

ная и последовательная марксистская программа. По мнению Плеханова, РСДРП с удесятеренной энергией должна отстаивать идею классовой борьбы, убеждать рабочих в неизбежности социальной революции и в практической осуществимости социалистических требований. Для него было аксиомой, что капитализм развивается вглубь и вширь, уровень эксплуатации наемных рабочих повышается, а вместе с этим обостряется и классовая борьба. Поэтому Плеханов не хотел делать никаких уступок Бернштейну и решительно отвергал выдвинутые им тезисы о прекращении кризисов перепроизводства и устойчивости среднего и мелкого товаропроизводителя в условиях капитализма.

В полной мере разделял он и господствовавший тогда в марксистской политической среде взгляд на социализм как на бестоварное хозяйство, ставя знак равенства между товарным производством и анархией в народном хозяйстве. Столь же однозначным было и мнение Плеханова о неизбежности диктатуры пролетариата, без которой невозможно будет становление социалистического политико-правового строя даже в самых демократических странах. Плеханов подчеркивал, что социалистическая революция нарушит интересы лишь незначительного меньшинства нации, а диктатура пролетариата вовсе не будет означать попрания прав всех остальных классов общества, в том числе и крестьян.

Не обошел Плеханов молчанием и вопрос о национализации земли. «В руках нашего полицейского государства, — писал Плеханов, — и теперь уже сосредоточивается слишком значительная часть производительных средств нашей страны. Содействовать переходу к нему всех тех земель, которыми оно не может теперь распоряжаться как своей собственностью, значило бы способствовать укреплению его сил, продолжению, если не увековечению, его существования. Такая политика соответствует интересам нашей бюрократии, но она коренным образом противоречит интересам революционной партии, а с ними также всей трудящейся и эксплуатируемой массы»¹.

В заключение Плеханов остановился на характеристике политической части программы-минимум РСДРП, обратив внимание на требования демократических свобод, отделения церкви от государства и школы от церкви, права наций на самоопределение. Особо подчеркнул он требования демократической республики и установления народоправства.

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XII. С. 235.

Глава II. ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ Г. В. ПЛЕХАНОВА В ПЕРИОД 1903–1918 годов

1. Политическая позиция Г. В. Плеханова на II съезде РСДРП

17(30) июля 1903 года в Брюсселе открылся II съезд РСДРП, делегаты которого представляли 26 социал-демократических организаций, включая группу «Освобождение труда». II съезд РСДРП для Плеханова стал кульминационным в смысле определения его политических позиций.

Во вступительной речи к съезду Плеханов обозначил его задачи. «Мы должны дать, — сказал он, — этой стихийной силе (социал-демократическому движению. — А. С.) сознательное выражение в нашей программе, в нашей тактике, в нашей организации... И какой бы трудной ни была предстоящая работа, есть все основания надеяться, что она будет успешно доведена до конца и II съезд РСДРП составит эпоху в ее истории»¹. Предсказывая, что съезд станет эпохальным в истории РСДРП, Плеханов не ошибался, но уверенность его в том, что съезд объединит силы и таким образом укрепит партию, не оправдалась. Более того, после съезда политико-юридические взгляды Плеханова и Ленина займут ярко выраженные антагонистические позиции.

Интересна в этой связи позиция Ленина на съезде. В программной работе «Что делать?» Ленин изложил свою стратегическую линию, которая, в свою очередь, определила организационный план действий на съезде.

На вопрос «Что делать?» он отвечал: «...ликвидировать третий период...» — эпоху «разброда», «дряблости», «шатания», которая для него связывалась с возникновением ревизионизма и «экономизма»². Он повторял путь, пройденный прежде Плехановым, и доводы его гораздо ближе к его доводам, чем это принято считать. Кроме того, он открыто и горячо защищал Плеханова и группу «Освобождение труда» от всяческой критики. Однако ленинская оценка содержала одно положение, которого не было в трудах Плеханова, что позволило ему сделать важные организационные выводы. Именно поэтому данная

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XII. С. 411–412.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 180–182.

работа Ленина справедливо считается вехой не только в его собственном политико-юридическом развитии, но и в истории российской социал-демократии.

В самом начале своего марксистского пути Плеханов отвел интеллигенции жизненно важную роль в социалистическом движении. Особый характер поставленной перед ней задачи показывал убежденность Плеханова в том, что сам пролетариат не в состоянии прийти к социалистической сознательности. Даже при том, что условия труда при капитализме настраивали рабочих против системы, превращение потенциальных социалистов в сознательных социалистов все же требовало участия интеллигенции. В своем анализе источников ревизионизма и «экономизма» Плеханов акцентировал внимание на неспособности интеллигенции, во всяком случае, определенных ее элементов, выполнить свой долг. Ленин также негативно отзывался об интеллигенции, но на этом он не остановился. Он настаивал на том, чтобы выставить на общее обозрение и подвергнуть критике то, что Плеханов склонен был замалчивать или вовсе скрывать: ответственность самих рабочих. Не только нерешительность и пассивность интеллигенции, утверждал Ленин, но и оппортунизм рабочих виновны в подьеме ревизионизма и «экономизма».

Ленин довольно пренебрежительно отзывался о тех стихийных, независимых выступлениях, которых ждали от рабочего класса. Сам по себе пролетариат никогда не пойдет дальше тред-юнионистского сознания — того уровня, который вполне совместим с бесконечным существованием капитализма. Ориентированный подобным образом рабочий класс, даже распространяя свою деятельность на область политики, не представляет реальной угрозы капитализму. Он считал тред-юнионистское сознание симптомом приспособления к капитализму и утверждал, что тред-юнионистская политика рабочего класса есть именно буржуазная политика рабочего класса¹. Ленин утверждал, что пролетариат сам по себе не способен ни на что, кроме оппортунизма. «Стихийности» рабочего класса с его злосчастными оппортунистскими наклонностями Ленин противопоставил «сознательность» интеллигенции. Интеллигенция должна следить за тем, чтобы движение не увязло в болоте оппортунизма. Если она пропитана и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 92–95.

людионной теорией социализма и верна ей (т.е., если она ортодоксальна), она сумеет проложить твердый курс к конечной цели.

При некотором различии в терминологии и более четком изложении предмета, в целом, позиция Ленина пока не очень отличалась от плехановской. Оба требовали более сильного и действенного социал-демократического руководства, и оба увязывали это требование с необходимостью уделять больше внимания изучению теории. Плеханов намеревался достичь этих целей посредством призывов, усиления бдительности и строгого отделения ортодоксальности от всех других радикальных политических тенденций — все эти меры относились исключительно к интеллигенции. Здесь Ленин предложил совершенно новые пути. Отделение ортодоксальной тенденции от всех других, по его мнению, было необходимо для успеха социалистического движения. Ленину стало совершенно ясно, что сами рабочие, будучи подвержены оппортунизму, грозят разложить социалистическую партию, и он призывал принять решительные меры к борьбе против этой опасности. Ленин сделал самые крайние организационные выводы и призывал ортодоксальных социалистов решительно отмежеваться от рядового состава рабочего класса. Опасение, что волна пролетарского оппортунизма захлестнет организацию, привело его к требованию создать революционную партию на основах, чуждых концепции Маркса и практике марксистских партий Европы.

Несомненно, Ленин оправдывал свою организационную схему ссылкой на необходимость конспиративной организации для действенного противостояния царизму. Но также совершенно ясно, что ленинская концепция партии неотделима от других, более общих соображений, как, например, его разграничение «стихийности» и «сознательности». Требование принимать в партию только достигших высокого уровня теоретического понимания и самых идейно выдержанных революционеров. Пренебрежительно относясь к свободе критики, он заявлял, что она есть «...свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов»¹. В самых недвусмысленных выражениях и весьма характерно он утверждал, что в современном обществе могут существовать только две идеологии — буржуазная и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 9.

социалистическая. Отсюда — «...малейшее отклонение от социалистической идеологии означает укрепление буржуазной идеологии»¹. Поскольку, с его точки зрения, рабочие, в массе, идеологически примитивны, а потому восприимчивы к влиянию буржуазной идеологии, их следует исключать из партии.

Вместе с тем это не означает, что Ленин был равнодушен к массам пролетариев. Он по-прежнему считал, что для революции массы жизненно необходимы. Задача политической партии в отношении масс, по его мнению, состоит в том, чтобы: 1) поднять их до собственного уровня и вовлечь в ряды профессиональных революционеров самых способных рабочих и 2) осуществлять идейное руководство массами за пределами партии. Стремясь поднять рабочих до собственного уровня, революционеры должны быть на страже, чтобы не «деградировать» до уровня рабочих масс². При этом четко осознающая классовые задачи партия должна прилагать все усилия, чтобы помогать стихийному рабочему движению извне. «Такие кружки, союзы и организации необходимы повсюду в самом широком числе, с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно смешивать их с организацией революционеров, стирать грань между ними... для "обслуживания" массового движения нужны люди, специально посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности... такие люди должны с терпением и упорством выработать из себя профессиональных революционеров»³. Впоследствии это стало характерным стилем работы коммунистических партий повсюду: отдельные их члены направлялись на работу в массовые организации и стремились обеспечить влияние партии на их политику. Это был план, согласно которому тщательно отобранная элита, твердо удерживая власть в своих руках и организационно отделившись от масс, чтобы не допустить ослабления революционного боевого духа, «использует» массы для достижения собственных целей.

Таким образом, при обсуждении на съезде партийной программы встал самый сложный и особенно в условиях России вопрос о процессе соединения марксизма с массовым рабочим движением. В частности, сам Ленин признавал, что, говоря о внесении социалистического

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 9..

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 127.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 126—127.

сознания в пролетарскую массу революционной интеллигенцией, он в полемике с «экономистами» «перегнул палку» в другую сторону, ибо в реальной действительности передовые рабочие не просто принимали «дары» партийных теоретиков, но и сами активно участвовали в этом процессе, прекрасно сознавая, что в полной мере удовлетворить свои классовые интересы они смогут лишь в будущем социалистическом обществе. Отметим, что в начале XX века оно представлялось рабочим как синоним социальной справедливости, равенства возможностей и подлинного товарищества в труде и повседневной жизни. Больше того, нередко рабочие считали себя даже большими социалистами, чем интеллигенты, добиваясь чуть ли не искусственной изоляции пролетариата от влияния его образованных доброжелателей.

С другой стороны, нельзя было сбрасывать со счетов и стремления значительной части рабочих пойти по пути наименьшего сопротивления и как-то приспособиться к капиталистическому строю, добиваясь лишь определенной социальной защиты в рамках существующей правовой системы. В то же время рабочие, способные самостоятельно овладеть марксистской теорией, были в тогдашней России еще редчайшим исключением, тогда как основная пролетарская масса действительно нуждалась в идеологах, пропагандистах и организаторах со стороны. В свете этих фактов становится ясно, что любые попытки упростить картину взаимоотношений между настроенной социал-демократической интеллигенцией и рабочей массой, абстрагироваться от попыток профессиональных революционеров управлять и даже манипулировать пролетариатом и от стремления последнего как-то отстоять свои позиции и играть вполне самостоятельную роль в жизни собственной, рабочей по названию партии, были бы равносильны дальнейшему запутыванию и без того крайне сложной и противоречивой политико-юридической ситуации.

В концепции Ленина, конечно, таилась угроза сектантства, идеологической зашоренности и нарушения демократических принципов в организационных вопросах. Однако немало негативных моментов было и во взглядах его оппонентов — «экономистов», а затем и меньшевиков (узкий практицизм, нарушение необходимого баланса между экономическими и политико-правовыми требованиями рабочих, занижение роли субъективного фактора исторического процесса и т. д.). Вот почему Плеханов оказался в очень трудном положении, хотя на первых порах он все же склонен был поддержать Ленина, ви-

димо, чувствуя, что его черно-белая политико-юридическая схема сулит на данном этапе партийного строительства более осязаемые политические дивиденды, чем ставка на сугубо стихийные, неизбежно замедленные «органические» процессы развития пролетарского сознания без руководящего вмешательства партийной интеллигенции.

Выступая на съезде, Плеханов допускал, что, по крайней мере, два ленинских тезиса из книги «Что делать?» не вполне удачны. Речь шла об утверждении Ленина о том, что «...стихийное развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии... – и о его выводе, согласно которому – ...история всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тредьюнионистское...»¹.

Также на съезде был рассмотрен вопрос об отношении социал-демократов к либералам. Следует отметить, что либеральное движение в России в начале 900-х годов было на подъеме. В нем участвовали часть помещиков-земцев, многочисленные представители интеллигенции, служащие, студенты, отдельные офицеры. Их идеалом было введение в России конституции, парламента и создание правового государства на базе реформ, проводимых под давлением общественного мнения царским правительством. В 1902 году за границей стал выходить либеральный журнал «Освобождение» под редакцией бывшего «легального марксиста» П. Б. Струве, ставившего своей целью объединение всех либерально-демократических сил России для борьбы с самодержавием. Таким образом, либералы-«освобожденцы» выступали как прямые политические конкуренты марксистов, претендовавших на гегемонию в российском освободительном движении. В связи с этим на II съезде РСДРП и был поставлен вопрос о взаимоотношениях с либералами вообще и с «освобожденцами», в частности.

На рассмотрение делегатов были представлены два параллельных проекта резолюции. Автор первого, А. Н. Потресов, считал, что соглашение с либералами возможно, если последние выполнят ряд условий, в частности, поддержат требование всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Автор второго, Плеханов, ставил вопрос жестче: не отрицая необходимости поддержки пролетариатом оппозиционных выступлений либералов, он требовал не забывать об их половинчатости и разоблачать ее перед лицом

¹ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 125.

пролетариата, не делая исключения и для представителей самого левого фланга либерального движения.

При работе над обсуждением проекта Устава партии, который Ленин представил на рассмотрение съезда, возникла дискуссия. Параграф I, сформулированный самим Лениным, оказался в центре дебатов. В нем говорилось: «Членом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий Партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций»¹. Вместе с тем Мартов возражал против ленинской формулировки и выдвинул встречное предложение, в котором последнее требование было заменено представлением возможности индивидуальной работы под контролем и руководством одной из партийных организаций. Этот вопрос не только вызвал острые разногласия; он стимулировал раскол редколлегии «Искры» и, как впоследствии оказалось, самой партии².

Мартов, поддержанный также Аксельродом, Троцким и другими, верно усмотрел в ленинском параграфе средство ограничения возможности членства в партии. Это предложение – попытка воплотить в жизнь одну из основных идей работы Ленина «Что делать?» – нарушало их представление о природе социалистической партии. Мартовцы ничего не имели против конспиративной организации профессиональных революционеров и даже признавали необходимость такой организации внутри партии. Предвидя создание массовой рабочей партии, Мартов утверждал: «Чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше. Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет объявлять себя членом партии»³. Однако Ленин не склонен был менять свою точку зрения, подчеркивая, что в России особенно важно отделить работающих от «болтающих» и что более жесткие условия приема в РСДРП уже сами по себе станут стимулом к организации социал-демократически настроенных рабочих и интеллигентов. Ответ Ленина показал, что его гораздо больше интересует сохранение «твердости линии и чистоты принципов», чем создание партии крупного масшта-

¹ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 258.

² Мартов Ю. История российской социал-демократии. М., Пг., 1923. С. 68.

³ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 263.

ба. Фактически, он считал, что эти два стремления несовместимы и без колебаний отверг формулировку Мартова на том основании, что она открывает доступ в партию «...для всех элементов разброда, шатания и оппортунизма». В широкой, свободной партии невозможно будет контролировать ее членов¹.

В этом его поддержал и Плеханов, сославшись, в частности, на пример «Народной воли», страдавшей от чересчур широкой трактовки членства в ее организациях. Рабочие, сказал он, не побоятся вступить в партию при условии соблюдения строгой внутривнутрипартийной дисциплины. Другое дело интеллигенты, насквозь проникнутые духом индивидуализма и являющиеся главными носителями оппортунистических тенденций. «Проект Ленина может служить оплотом против их вторжения в партию, и уже по одному этому за него должны голосовать все противники оппортунизма», — закончил свою речь Плеханов². Однако солидарность с Лениным в вопросе о необходимости бдительности перед лицом оппортунизма не позволила ему разглядеть значение ленинской формулировки, с чем он, при иных обстоятельствах, не согласился бы так легко. Мотивировка Плеханова показала, что его понимание спорного параграфа отличается от понимания и самого автора, и его противников. Ленин, не колеблясь, отстранял массы рабочих от партии, а его противники безоговорочно осуждали такую политику. Плеханов же просто не увидел, что речь идет о рабочих. Он говорил о том, что требования дисциплины (связанные с работой в партийной организации) не составят препятствий для рабочих, но не обратил внимания на то, что теоретический уровень, который Ленин считал необходимым для вступления в партию, помешает стать ее членами огромному большинству. Для Плеханова параграф Устава Ленина о членстве в партии имел то достоинство, что преграждал доступ в партию представителям интеллигенции, которым дисциплина мешала потому, что они были заражены «буржуазным индивидуализмом». Исключить такие личности означало преградить путь оппортунизму и тем самым укрепить партию.

Вместе с тем все же с перевесом в шесть голосов победу в данном вопросе одержал Мартов, хотя все остальные параграфы устава были приняты в ленинской редакции.

¹ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 276–277.
² Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XII. С. 426–427.

В наши дни острота дискуссии, разгоревшейся на II съезде РСДРП по организационным вопросам, кажется многим явно не адекватной сути самой проблемы, тем более что уже через пару лет сторонники Мартова практически признали правоту Ленина в том, что касалось формулировки первого параграфа партийного устава, а сторонники Ленина во весь голос заговорили о внутривнутрипартийной демократии. Вместе с тем за кажущейся несерьезностью организационных вопросов стоят различные концепции политико-юридического строительства, которые во многом определяют жизнестойкость и идеологическую направленность партии.

Раскол в редколлегии наиболее ярко проявился в борьбе за будущий контроль над «Искрой». Еще до съезда Ленин предложил оставить в редакционной коллегии лишь трех самых работоспособных, по его мнению, редакторов — Плеханова, Мартова и себя. Ленинское объяснение необходимости такого изменения — редколлегия меньшего масштаба будет работать более слаженно и быстро — выглядело бы более правдоподобно, если бы совсем недавно он не агитировал за введение в редколлегию седьмого члена — Троцкого¹. Как в свое время введение Троцкого было предназначено для создания антиплехановского большинства в «Искре», так теперь, убирая сторонников Мартова — Аксельрода, Засулич и Потресова, — Ленин стремился создать антимартовское большинство. Таким образом, выводятся из строя «колеблющиеся» элементы. Как заявил сам Ленин в ответ на осуждение его тактики Мартовым: «И меня ни капельки не пугают страшные слова об "осадном положении в партии", об "исключительных законах против отдельных лиц и групп" и т.п. По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только можем, мы обязаны создавать "осадное положение", и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне съездом централизм есть не что иное, как "осадное положение" для столь многочисленных источников политической расплывчатости». ² Поскольку разногласия невозможно было уладить, Мартов заявил, что отсечение от руководства «Искрой» Аксельрода, Засулич и Потресова совершенно неприемлемо по этическим соображениям, в связи с этим съезд назвал только двух редакторов — Плеха-

¹ Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова (1901–1916). Берлин. 1924. С. 79.

² Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 374.

нова и Ленина, предоставив им полномочия увеличить число членов редакции по собственному усмотрению.

Большой резонанс на съезде и после него вызвало выступление Плеханова против абсолютизации некоторых демократических ценностей, например, всеобщего избирательного права и неприкосновенности избранного народом парламента. Для революционера, сказал он, высшим критерием правильности проводимой им политической линии является то, в какой мере обеспечивает она успех революции. И если бы ради этого успеха потребовалось временно ограничить всеобщее избирательное право или досрочно распустить «неудачный» по составу, с точки зрения революционеров, парламента, то на подобные вынужденные меры следовало бы без колебаний пойти. При этом он сослался на пример разгона Кромвелем в 1653 году так называемого «долгого» парламента, умеренное большинство депутатов которого вступило в конфликт с английской революционной армией¹. В этой речи, о которой он впоследствии жалел, позиция Плеханова почти не отличима от того, что в будущем станет центральным мотивом ленинизма. Во-первых, здесь высказано предположение о возможном противоречии между демократическими правами и интересами партии — предположение, многим делегатам показавшееся абсурдным. Они не понимали, каким образом может возникнуть такое противоречие. Какие еще интересы может представлять партия, если не те, что воплощены в демократических принципах? Замечания Плеханова показали, что он считает возможным, чтобы люди не знали истинных своих интересов. Но на этот счет партия, носитель социалистической сознательности, не может заблуждаться. Она знает, что благо народа, обеспеченное успехом революции, — высшая ценность. Соответственно, партия законно может не принимать во внимание волю народа ради его собственного блага (например, провести роспуск демократически избранного, но «неудовлетворительного» парламента).

От этой позиции всего лишь небольшой шаг, а возможно, и никакого вообще, до утверждения, что все другие идеи, соображения, группы или учреждения должны уступать партии. Эта логика начинает действовать неумолимо, как только партия полностью отождествляется с тем, что полагают высшей ценностью. Та же логика требовала, чтобы Центральный Комитет — этот высший орган осознания истин-

ных интересов пролетариата — осуществлял контроль над организациями партии на местах. Плеханов, произносивший эти слова, по-видимому, склонился к той самой позиции, против которой столь серьезно предостерегал в «Наших разногласиях». Но если партия будет осуществлять свою роль таким образом, как он указывает, если она будет бороться за успех революции (завоевание власти и ее удержание партией) даже при условии, что ее цели и цели народа различны, то (пользуясь его собственной терминологией) не должна ли она будет «...искать спасения в идеалах "патриархального и авторитарного коммунизма", внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что вместо перувианских «сынов солнца» и их чиновников национальным производством будет заведовать социалистическая каста?

Вместе с тем Плеханов оговорил, что вся ситуация с нарушениями принципов демократии мыслится им как чисто гипотетическая. Отметим, когда в январе 1918 года большевики и левые эсеры разогнали Учредительное собрание, в котором преобладали несогласные с ними правые эсеры, ссылаясь, помимо всего прочего, и на авторитетное мнение Плеханова, высказанное им на II съезде РСДРП, тот категорически отказался признать целесообразность такого акта. Тем самым он существенно скорректировал свой тезис 1903 года, действительно дававший возможность весьма произвольного толкования такого понятия, как «благо революции».

Сомнения относительно возможности принятия Плехановым ленинизма, хотя бы только на съезде, связаны с его позицией в отношении свободы критики. Как только партийная программа была принята съездом, он указал на ее обязательность для всех членов партии, добавив следующее: «Это не значит, конечно, что раз принятая программа не может подвергаться критике. Но кто желает оставаться членом партии, должен даже и в своей критике оставаться на почве программы»¹. Выраженная здесь точка зрения весьма далека от ленинского уподобления свободы критики «...свободе развития оппортунистских тенденций в социал-демократии». Даже при том, что на II съезде Плеханов явно не проявлял терпимости к различиям во мнениях, он не отвергал критики принципиально, как это делал Ленин. В этом состояла дополнительная возможность возникновения разногласий между ними.

¹ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 181–182.

¹ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 426.

Впоследствии Плеханов воссоединился с фракцией меньшевиков. Этот переворот является решающим доказательством того, что его поддержка большевизма во время съезда не была решительной и бесповоротной, как виделось многим. Разногласия между Лениным и Плехановым, как впоследствии оказалось, серьезные, на съезде были лишь прикрыты их внешним единством.

Следующим крупным этапом внутрипартийной борьбы стал II съезд Заграничной лиги русской революционной социал-демократии, объединявшей всех эмигрантов – членов РСДРП. Меньшевики решили использовать его для атаки на большевиков и превращения Лиги в опорный пункт меньшевизма.

Кризис, разразившийся на съезде Лиги, показал Плеханову, что раскол в партии является политической ошибкой.

На закрытой встрече большевиков он сказал: «Я не могу стрелять в товарищей. Лучше пулю в лоб, чем раскол. Бывают минуты, когда даже самодержавие должно идти на компромисс»¹. Новый раскол в российской партии теперь, когда будущее ее казалось столь обещающим, Плеханов считал недопустимым. Раскол партии из-за того, что он считал просто организационными разногласиями, казался ему «...непростительной политической ошибкой, огромным политическим преступлением»².

Плеханов видел основу кризиса партии в бескомпромиссности Ленина и его сторонников. Он считал, что бескомпромиссность Ленина подрывает силу партии, а следовательно, и успех дела революции. Она служит дестабилизирующей силой, что грозит партии неправым расколом и истощением сил в междоусобной борьбе. Очевидно, пришло время для более гибкой, примирительной политики³.

Плеханов понимал психологические корни непреклонности Ленина. Он сам многократно подчеркивал необходимость вести самую непримиримую борьбу со всеми отклонениями, грозящими разложить партию и отвлечь ее от неуклонного следования своим целям. Но он также считал, что поражение «экономизма» положило конец угрозе разложения РСДРП. Ведь самым значительным достижением II съезда партии было именно идеологическое единство. Вместе с тем, из борь-

¹ Группа «Освобождение труда». М.-Л., 1924. Сб. 6. С. 46.

² Группа «Освобождение труда». М.-Л., 1924. Сб. 6. С. 48–49.

³ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 3–10.

бы против идеологических ересей выросла патологическая чувствительность, сама по себе опасная. «У нас многие привыкли думать, – писал Плеханов, – что социал-демократ должен быть неуступчив, если не желает грешить оппортунизмом»¹. Будущему революционного движения угрожает серьезная опасность, если на таких основаниях партийное руководство считает уместным ввести казарменную дисциплину, увековечить сектантский дух исключительности, стать «утопистами централизма».

Перемена в позиции Плеханова прежде всего проявилась в отношении «Искры», связующего звена его союза с Лениным. В интересах единства партии он вернулся к вопросу о восстановлении редколлегии в досъездовском составе. Разногласия Плеханова и Ленина повлекли за собой выход Ленина из редакции «Искры». Это был окончательный разрыв Плеханова с Лениным. Плеханов восстановил всех редакторов «Искры», и 20 ноября вышел ее очередной, 52-й, номер уже без участия Ленина.

Центральное место в номере занимала статья Плеханова «Чего не делать?», в которой он попытался объяснить свою позицию. Уже само название статьи звучало как вызов Ленину – автору известной книги «Что делать?». Плеханов писал, что партийные руководители должны быть мудры, как змии, обладать большой гибкостью и диалектическим складом мышления. Он советовал не смешивать твердость характера с упрямством, предостерегал от прямолинейности и односторонности. Выдвигался и довольно оригинальный тезис, согласно которому борьба с ревизионизмом не всегда равнозначна вражде с ревизионистами. При этом Плеханов давал понять, что видит в бывших «экономистах», а ныне меньшевиках, людей, которые уже становятся товарищами марксистов-ортодоксов. Что касается партийной дисциплины, то, признавая ее огромное значение, особенно в условиях подполья, Плеханов тем не менее решительно возражал против смешения ее с дисциплиной казарменной и предостерегал от «несвоевременной требовательности». Мы обязаны избегать новых расколов, подчеркивал он, ибо в противном случае рабочие перестанут нас понимать и мы окажемся в печальном и одновременно смешном

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 7.

положении штаба без армии, деморализованного вдобавок внутренней борьбой¹.

Ленин негативно воспринял поворот Плеханова к союзу с меньшевиками. Характеризуя позже политическую линию Плеханова, он писал о его позиции: «1) 1903, август – большевик; 2) 1903, ноябрь (№ 52 "Искры") – за мир с "оппортунистами" – меньшевиками, 3) 1903, декабрь – меньшевик и ярый»².

И хотя «большевизм» Плеханова в августе–октябре 1903 года был весьма относительным и его последующий переход на сторону меньшевиков тоже сопровождался рядом оговорок, тем не менее внешняя картина политической эволюции Плеханова в этот критический для РСДРП период показана здесь Лениным верно.

В январе 1904 года Плеханов выступил в «Искре» со статьей «Грустное недоразумение», навеянной критическими отзывами на статью «Чего не делать?». Плеханов вновь предостерегал от излишней подозрительности к инакомыслию в рамках марксизма, от искушения судить обо всем происходящем на основании двух-трех формул, якобы заключающих в себе всю квинтэссенцию «ортодоксии», от примитивных метафизических рассуждений по схеме: да-да, нет-нет, а что сверх того, то от лукавого. Плеханов призывал встать выше формального подчинения букве партийного устава и придерживаться не юридической, а более широкой, политической точки зрения. Примером такого широкого, непредвзятого подхода к проблемам внутрипартийной жизни он считал и изменение собственной позиции в конце 1903 года.

«Я принадлежал на съезде к большинству, которое... и произвело выборы в партийные центры, – писал он. – Но большинство это было совершенно незначительное большинство. До того незначительное, что когда на одном из последних заседаний один из наших перешел к меньшинству, то съезд оказался разделенным на две равные части... – Выходило, что люди, выбранные одной половиной, должны были руководить всеми. Я тогда же почувствовал, что это было ненормально. Но я еще не знал тогда, к каким практическим неудобствам поведет такая ненормальность. Впоследствии я увидел, что неудобства эти страшно велики, и постарался устранить их, насколько

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 3–10.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 222.

это от меня зависело»¹. Таким образом, Плеханов занял так называемую меньшевистскую позицию.

В следующей статье «Централизм или Бонапартизм» (1904 г.) Плеханов обрисовал судьбу политической партии, если она пойдет за Лениным. «...Ревнителю «твердости», – заявлял он, без разбора употребляя ярлыки оппортунизма, бернштейнианства и ревизионизма, – с легким сердцем готовы отрывать от нашей партии одну категорию товарищей за другую, вроде того, как отрывают листик за листиком от артишока»². Плеханов выступал против претензии партийного центра на непогрешимость и вытекающее из этого право предавать анафеме всякого несогласного. Он примкнул к сторонникам свободы критики, которая, в глазах Ленина, представляет и может представлять собой не что иное, как «...свободу для оппортунистского направления в социал-демократии». Ленинский идеал он считал более похожим на бонапартизм, нежели на централизм, необходимый в пролетарском движении. Этот идеал способен изгнать из партии всех разумных, уважающих себя людей, оставив одних прислужников.

Плеханов пророчески описал характер будущей партийной жизни, если она будет основана на большевистских принципах: «Вообразите, что за Центральным Комитетом всеми нами признано пока еще спорное право «раскассирования». Тогда происходит вот что. Ввиду приближения съезда, ЦК всюду «раскассировывает» все недовольные им элементы, всюду сажает своих креатур и, наполнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечивает себе вполне покорное большинство на съезде. Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему: «ура!», одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас, действительно, не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха»³. Сравнивая эту концепцию организационной монолитности с собственной моделью партии, богатой активной внутренней жизнью, Плеханов замечал, что большевики «...очевидно, смешивают диктатуру пролетариата с диктатурой над пролетариатом»⁴. Из этого следует, что нуж-

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 54–55.

² Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 88.

³ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 90.

⁴ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 91.

ны не просто большая гибкость со стороны руководства, не просто терпимость к определенным расхождениям во мнениях, но и такие организационные формы, которые ограничат власть партийного центра. Односторонний контроль сверху донизу должен уступить место взаимному доверию и, наряду с ним, непрерывному обмену идеями и влиянием между партийным центром и местными организациями и рядовыми членами.

Линия Ленина и те последствия, которые она влечет, заставили Плеханова занять скептическую позицию по отношению к сверхцентрализованной и безграничной непреклонности. Теперь он вынужден был переоценить и собственное поведение. Статьи этого периода необычны частыми признаниями ошибок и выражениями сожаления по поводу действий, которые он предпринимал в ходе еще недавней истории российской социал-демократии¹.

Таким образом, политический прогноз Плеханова, увы, сбился. Он сумел заглянуть далеко вперед, увидев, что станет с большевистской партией после принятия в 1921 году знаменитой резолюции X съезда РКП(б) о запрещении фракций и особенно после прихода к власти Сталина. По отдельным, как будто вскользь брошенным замечаниям Ленина, разбросанным в его публицистике и выступлениях 1903–1904 годов, меньшевики могли судить об опасных тенденциях, уже тогда таившихся в его плане построения партии. Напомним, что Ленин называл неисправимыми утопистами тех, «...кто хочет широкой организации рабочих с выборами, отчетом, всеобщими голосованиями и пр., — осуждал — неуместное и неумеренное применение выборного начала», выступал за оплачиваемый из партийной кассы аппарат социал-демократических функционеров и т.д.² Отдавая должное интуиции Плеханова, следует сказать, что до 1917 года указанные им отрицательные черты большевизма находились еще в начальной стадии развития. Тем не менее уже в дооктябрьский период достаточно определенно просматривалась тенденция к сосредоточению в руках Ленина и его ближайшего окружения мощных рычагов воздействия на партийный аппарат и рядовых членов большевистской фракции.

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 54, 92, 135–140.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 119–120, 133; Т. 7. С. 7.

2. Политико-юридические взгляды Г. В. Плеханова на первую российскую революцию 1905–1907 годов

В начале XX века в России уже достаточно отчетливо обозначился тот всеобъемлющий «кризис империи», всех ее политических, юридических, экономических, социальных, национальных и идеологических структур и институтов, который в 1917 году привел старый императорский режим к краху. Важным промежуточным этапом на этом драматическом пути стал политический кризис 1905–1907 годов, от которого Россию не спасли ни реформы 60–70-х годов XIX века, ни реформаторские начинания Витте 1890-х и начала 1900-х годов.

Накануне революции в России были представлены самые разные ступени социального развития — от патриархальной общины до капиталистических монополий, все стадии общественного производства — от самых примитивных его форм до высших достижений машинной техники.

Острое малоземелье, сословная неполноправность и разорение крестьянства превращали деревню в очаг постоянного социального возбуждения, зревшего мощным социальным взрывом.

Росли противоречия между трудом и капиталом, между пролетариатом и буржуазией. Жизненный уровень рабочих в России был намного ниже, чем в развитых западных странах. По оценке специалистов, хуже рабочих жила в России лишь крестьянская беднота. В итоге рабочий вопрос стал в стране одной из самых больших проблем общенационального масштаба.

Кроме того, социальный гнет тесно переплетался в России с национальным. В огромной империи проживало в общей сложности более ста наций и народностей, причем население национальных районов страдало не только от местных угнетателей, но и от русских чиновников, помещиков и капиталистов. Нищета и бесправие были уделом и самого русского народа, составлявшего 43 % населения страны. Заметно ускорившийся во второй половине XIX века процесс национальной консолидации различных народов Российской империи сопровождался интенсивным ростом их национального самосознания, что вело к обостренному восприятию любых проявлений этнической и религиозной дискриминации и гнета. Поэтому разного рода движения на национальной почве стали неотъемлемой составной частью скла-

дивавшегося в России в начале 1900-х годов нового всеобъемлющего политико-правового кризиса.

Тем не менее самодержавие упорно не хотело идти ни на какие серьезные политические уступки народу. В России отсутствовали элементарные демократические свободы, социальное неравенство дополнялось сословным, власть царя оставалась практически неограниченной.

Сильно продвинувшийся вперед в 60–70-х годах XIX века процесс модернизации России в дальнейшем замедлился, явно отставая от бурного роста социальных противоречий в стране. Это грозило ей дальнейшим отставанием от Запада, полным падением авторитета самодержавной власти в глазах народа, усилением поляризации нищеты и богатства, национальным сепаратизмом, а в перспективе и распадом империи. Новый импульс процесс модернизации мог получить в начале XX века в России либо от самой власти (радикальная либерализация политико-правового режима и полный простор рыночной экономики в городе и деревне), либо от народной революции «снизу».

Во многом способствовала кризису власти и русско-японская война 1904–1905 годов, которая показала всю гнилость самодержавного режима и бездарность его руководителей. Они безответственно пошли на обострение отношений с Японией, полагая, что маленькая победоносная война станет реальной альтернативой назревающей революции и укрепит позиции царизма. Однако в реальной действительности все вышло по-иному: поражения русской армии и флота в Порт-Артуре, на полях Маньчжурии и у Цусимы стали вехами политического пробуждения народных масс и углубления кризиса «верхов». В апреле 1904 года Плеханов писал: «Если севастопольский погром в корень подорвал систему Николая I, то портартурский крах обещает до основания расшатать режим Николая II»¹. Правда, на первых порах русско-японская война сбила пламя открытой политической борьбы, однако, в конечном счете, она ускорила процесс перерастания революционной ситуации 1901–1904 годов в первую в истории России революцию.

Свое отношение к начавшейся войне Плеханов выразил в статье «Строгость необходима», опубликованной в первом номере «Искры» за 1904 год. Обдумывая ее название, Плеханов использовал слова известного издателя газеты «Новое время» А. С. Суворина, ко-

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 96.

торый в связи с поражениями русской армии и флота на Дальнем Востоке призвал своих читателей быть строгими к самим себе, чтобы не повторить наших ошибок, заблуждений и пороков, чтобы не жить так, как мы жили. Отвечая Суворину, Плеханов согласился с ним в том, что так, как жила Россия раньше, ей больше жить нельзя и что строгость действительно необходима, но прежде всего по отношению к царизму, бросившему страну в костер бессмысленной войны.

Он подчеркнул, что у русских революционеров не может быть ни продолжительного мира, ни короткого перемирия с царским правительством. Ход рассуждений Плеханова при этом выглядел так. В войне столкнулись русский и японский империализм, и ведут ее не народы, а правительства России и Японии. С точки зрения международной социал-демократии, победа как той, так и другой стороны будет куплена ценою огромных жертв, приведет к усилению милитаризма и шовинизма и потому может рассматриваться как зло. Но если из двух зол нужно выбирать меньшее, то этим меньшим злом является поражение царизма, ибо он служит оплотом международной реакции, давит Польшу, травит «жидов», нарушает конституцию Финляндии и представляет собой величайшую угрозу мировому политическому движению.

Нужно как можно скорее покончить с царским правительством, позорящим Россию в глазах всего цивилизованного мира, продолжал Плеханов. Нет и не может быть таких исключительных обстоятельств, которые позволили бы тем, кому дороги честь и интересы России, идти хотя бы несколько шагов рядом с царизмом. И во время войны интересы народа самым коренным образом расходятся с интересами правительства, а те огромные бедствия, которые она несет народным массам, являются лишь новым доказательством того, что России нужно как можно скорее освободиться от гнета самодержавия. Справившись с внутренним врагом – царизмом, и став, наконец, свободным народом, мы уже сравнительно легко уладим свои дела со всеми внешними врагами, заканчивал статью Плеханов¹.

Таким образом, Плеханов выступил в период русско-японской войны не просто как революционер-пацифист, провозглашающий лозунг мира в сочетании с призывом к свержению самодержавия, а как

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 94–100.

политик, который видит в военных неудачах царизма средство приблизить начало революции.

В ряде статей, посвященных анализу ситуации на Дальнем Востоке, Плеханов, используя материалы отечественной и иностранной печати, показал закономерность военных поражений России, порожденных глубоким кризисом самодержавного строя. Просчеты русской дипломатии, авантюризм придворной камарильи, бездарность генералов, коррупция, плохое снабжение армии – все это соединилось вместе, чтобы продемонстрировать миру гнилость существующей в России политико-юридической системы и страшную отсталость ее общественно-политического строя, которые уже невозможно было компенсировать храбростью, выносливостью и послушанием русского солдата.

В 1905 году Плеханов в статье «Патриотизм и социализм» изложил свое мнение по вопросу об отношении социалистов к проблеме патриотизма. В современном капиталистическом обществе классовая борьба создает более крепкие узы между рабочими разных стран, чем между рабочими и их эксплуататорами одной национальности. Поэтому трудиться на истинное благо своей страны не значит бежать под ее знамена при первом звуке труб шовинизма. Национальные амбиции и национальная честь должны уступить место высшим соображениям, соображениям человечества в целом, лежащим в основе международного социалистического движения. Искренний социалист должен оценивать все международные отношения по принципу благо революции – высший закон. Он не может догматично выступать против всякой войны, а после начала военных действий его симпатии должны быть на стороне той воюющей державы, победа которой так или иначе будет способствовать росту перспектив социализма, независимо от того, нападающая это или обороняющаяся сторона.

Как марксист-ортодокс Плеханов защищал весьма двусмысленный и сомнительный тезис Маркса и Энгельса о том, что рабочие не имеют отечества. Однако он делал акцент на том, что интернационалистская позиция социал-демократов вовсе не тождественна равнодушию к национальной культуре, языку, традициям и обычаям, наконец, к родной земле как естественной среде обитания каждого народа. И при коммунизме, продолжал Плеханов, ссылаясь при этом на известного французского социалиста Жана Жореса, национальные различия останутся естественными гранями «...великого коммунисти-

ческого человечества завтрашнего дня», когда идея «Отечества» отступит перед несравненно более широкой идеей Человечества.

Сознательный пролетарий каждой данной страны, продолжал Плеханов, чувствует себя несравненно ближе к пролетарию другой страны, чем к своему соотечественнику-капиталисту. «А так как по условиям современного мирового хозяйства социалистическая революция... должна быть международной, то в умах сознательных рабочих идея отечества, – объединяющего в одно солидарное и полное "исключительности" целое все классы общества, – по необходимости должна уступить место бесконечно более широкой идее солидарности революционного человечества, т.е. "пролетариев всех стран". И чем шире делается могучая река современного рабочего движения, тем дальше отступает психология патриотизма перед психологией интернационализма»¹.

Таким образом, Плеханов показал здесь крайне идеализированную политическую картину общества. Впоследствии он придет к выводу, что интернационалистские тенденции общественно-политического развития и интернациональные чувства пролетариата еще совсем не так сильны, как представлялось ему раньше, ибо динамика процесса интернационализации и реальный ход сближения наций были много сложнее и противоречивее любых книжных схем. Вместе с тем Плеханов совершенно справедливо подчеркивал, что интернационализм «...вполне совместим с самой усердной, самой неутомимой работой на благо родной страны», т.е. с патриотизмом, но это отнюдь не означает, что в вопросах войны и мира, международной торговли и колониальной политики социалисты всегда и во всем должны поддерживать правительство собственной страны, поскольку интересы прогресса и революции (а для Плеханова они были неотделимы друг от друга) – превыше всего².

Поводом к началу первой российской революции послужила беспрецедентная по жестокости трагедия «Кровавого воскресенья» 9(22) января 1905 года, которая всколыхнула либерально-демократическую общественность всего мира.

Буржуазно-демократический, по марксистской терминологии, характер начавшейся революции был совершенно очевиден и больше-

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 269.

² Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 269–270.

викам, и меньшевикам. Систематическое опоздание с радикальными реформами, самоуверенная великодержавность, бесконечное презрение к нуждам народа, этот далеко не полный перечень причин неизбежно привел Россию к революции. Непосредственной целью революции была всесторонняя демократизация страны, радикальное перераспределение земли в пользу крестьян, улучшение материального положения рабочих, решение национального вопроса и прекращение войны на Дальнем Востоке.

В феврале 1905 года на страницах «Искры» вышла статья Плеханова под названием «Врозь идти, вместе бить», посвященная обоснованию тактики российской социал-демократии в свете последних событий. Плеханов затронул здесь, пожалуй, самую актуальную для того времени тему – тему народного восстания. «Вопрос о вооруженном столкновении нашего пролетариата с царским правительством ставится на очередь неотвратимой логикой истории. Мы, со своей стороны, можем сделать только одно: постараться разрешить его в пользу пролетариата»¹, – писал он.

Шансы на успех пролетарского восстания в России, по мнению Плеханова, были бы достаточно высоки, ибо рабочие могут рассчитывать здесь на поддержку «общества», частью которого является офицерский корпус, в свою очередь влияющий на поведение солдатской массы. Второе важное условие победы повстанцев он видел в дезорганизации правительственного аппарата власти с использованием даже такого крайнего средства, как революционный террор. Но самое главное, подчеркивал Плеханов, состоит в том, чтобы предстоящее восстание стало выступлением вооруженных народных масс, ибо только в этом случае оно сможет покончить с самодержавным режимом.

Таким образом, Плеханов выдвигал перед социал-демократами триединую задачу: ускорить политическое воспитание пролетариата, подготовить путем проведения целого ряда агитационно-пропагандистских и организационно-технических мероприятий победу народного восстания и координировать действия всех антисамодержавных сил под лозунгом «Врозь идти, вместе бить». Характерно, что, ознакомившись со статьей Плеханова, Ленин отметил: фактически Плеханов проводит те же взгляды, на которых настаивала всегда

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 191.

большевистская фракция и ее печатный орган – газета «Вперед»¹. Одновременно Ленин подчеркивал, что, несмотря на внешнюю солидарность Плеханова с позицией меньшевистской «Искры», он по существу опровергает взгляды ее редакции, в частности Мартова, который делал акцент на стихийной стороне развития революционного процесса в России.

В этой связи следует подчеркнуть, что в 1905 году Плеханов начинает все больше и больше расходиться с меньшевиками и занимать позицию, названную Лениным «особой» и не совпадавшую целиком ни с меньшевистской, ни с большевистской. Это был своеобразный центризм, если понимать под ним не беспринципное политиканство, а поиск реалистического и сбалансированного подхода к решению политико-юридических задач, далекого как от левого экстремизма, так и от откровенного реформизма. Причем по некоторым вопросам (подготовка вооруженного восстания, отношение к крестьянскому движению) Плеханов был в 1905 году ближе к большевикам, а по некоторым («захват власти», оценка либерально-буржуазного движения) – к меньшевикам.

В марте Плеханов стал печатать в Женеве «Дневник социал-демократа Г. В. Плеханова». Первый номер «Дневника» состоял из трех статей. В них анализировались причины поражения царской армии на полях Маньчжурии («Мукден»), рассказывалось о росте крестьянского движения в России («Мужики бунтуют»), подчеркивалось значение марксистской политико-правовой теории, пренебрежение к которой, по мнению автора, особенно проявлялось у большевиков.

Исключительно большое значение имели в то время высказывания Плеханова по крестьянскому вопросу. «...Мы сделали бы страшную непоправимую ошибку, если бы остались равнодушны к начинающемуся теперь революционному движению в деревне... Деревня становится революционной; мы обязаны поддержать революционную деревню», – писал Плеханов в статье «Мужики бунтуют»². Он подчеркивал, что настало время поддержать требования крестьян об экспроприации помещичьего землевладения. Крестьянство выступает теперь как революционная сила, писал Плеханов, и именно в этом качестве должны поддержать его социал-демократы, ибо по мере спада

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 287.

² Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 247–248.

революции крестьянин — «...этот мелкий мещанин земледелия...» — будет превращаться в опору буржуазного строя и уже не сможет вызвать подобного энтузиазма со стороны пролетарской партии¹.

Впоследствии, в этот период, Плеханов отметит: «Крестьянин составляет чрезвычайно сильный резерв русской революции...»². Взяв помещичью землю, он станет решительным революционером, «...а этого достаточно, чтобы мы не опасались за судьбу русской революции. Революционному пролетариату, поддерживаемому революционным крестьянством и имеющему все основания рассчитывать на поддержку международного пролетариата, не страшны будут ни "внутренние" враги, ни внешние...»³.

По мнению Плеханова, в сложившихся в России условиях предпочтительнее всего была бы «муниципализация» земли, которую предложил еще в 1902 году социал-демократ П. П. Маслов и которая предусматривала сдачу перешедших в распоряжение земств помещичьих земель в аренду крестьянам. В случае, если бы этот вариант по каким-то причинам реализовать не удалось, Плеханов предлагал осуществить «черный передел» с передачей помещичьих земель крестьянам на правах собственности. Что касается национализации земли, то ее Плеханов по-прежнему отрицал.

В апреле — начале мая 1905 года состоялись III съезд РСДРП (большевистский) и Первая общерусская конференция партийных работников (меньшевистская).

Отметим, что у большевиков уже сложилась к тому времени достаточно стройная политико-юридическая концепция первой русской революции. Они отводили роль гегемона в ней пролетариату и его социал-демократической партии, главного союзника рабочих видели в крестьянстве, а либералов категорически исключали из революционного лагеря. Основной своей задачей в данный момент большевики открыто объявляли всестороннюю, прежде всего военнотехническую, подготовку всероссийского вооруженного восстания. Ставился ими и вопрос о превращении начавшейся революции, в случае ее победы, в революцию социалистическую как часть общеевропейской, а может быть, и мировой пролетарской революции. Страте-

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 251.

² Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 350.

³ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 349.

гия и тактика меньшевиков к апрелю 1905 года тоже в значительной мере уже определились. Они не расходились с большевиками по вопросу о характере революции, готовы были признать ее гегемоном пролетариат, не сбрасывали со счетов крестьянское движение за землю и тоже призывали к восстанию. Но меньшевики склонны были расширить рамки общенационального антиправительственного фронта, включив в него и либеральную буржуазию. Особый акцент делался ими на развитии революционной самостоятельности рабочих масс и разного рода внепартийных демократических организаций, а также на «самовооружении» народа, поскольку социал-демократия никогда не сможет создать боеспособную сеть вооруженных дружин «сверху». Таким образом, меньшевики делали ставку на стихийное развитие революционного процесса, отказ от всякого сектантства и максимальное поощрение инициативы «снизу». При этом меньшевистская политико-юридическая концепция революции, в выработке которой значительную роль играли Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. С. Мартынов, Ф. И. Дан, строилась на базе опыта Великой французской революции, европейских революций 1848—1849 годов и освободительного движения в самой России, причем западные образцы имели для меньшевиков приоритетное значение.

На общерусской конференции партийных работников Плеханов выступил в поддержку аграрных требований крестьянства вплоть до конфискации всех помещичьих земель и передачи их в руки крестьян. По предложению Плеханова делегаты обязали всех рабочих-меньшевиков принимать самое активное участие в работе профсоюзов, а местные партийные организации — поддерживать с ними постоянный контакт и помогать в их борьбе за удовлетворение экономических требований пролетариата.

Участники конференции стремились найти среднюю линию между политической позицией Мартова, развивавшего идею «самовооружения» народа, и взглядами Плеханова, призывавшего социал-демократов сделать все возможное, чтобы в решающий момент «...народ был вооружен не церковными хоругвями и крестами, а чем-нибудь более серьезным и действенным»¹.

Осень 1905 года принесла с собой невиданный еще подъем революционного движения в России. Во Всероссийской октябрьской

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 191.

политической стачке участвовало 2 млн человек. Царь оказался перед выбором: либо установление военной диктатуры, способной потопить революцию в крови, либо переход хотя бы к какому-то подобию конституционного правления. 17 октября Николай II вынужден был выбрать второй вариант: «дарованная» в августе законосовещательная Государственная Дума превращалась теперь в законодательную, народу были обещаны гражданские права и свободы, а вскоре была объявлена и частичная политическая амнистия.

В октябре-ноябре 1905 года временное равновесие правительственных и революционных сил стало перерастать в акции политических неповиновения оппозиционных сил. В ноябре в Петербурге прошли массовые политические стачки, огромное влияние приобрел столичный Совет рабочих депутатов. В ноябре произошло новое крупное восстание на Черноморском флоте под руководством лейтенанта Петра Шмидта. Дело шло к решающему открытому столкновению революционеров с царским режимом.

В то же время Плеханов предупреждал, что к восстанию нельзя относиться легкомысленно, особенно в такое время, когда «... ружья и револьверы начинают стрелять сами собой». Поэтому 3(15) декабря 1905 года в письме, направленном в редакцию французской социалистической газеты, Плеханов предостерегал русских социал-демократов от преждевременного, неподготовленного восстания, которое могло бы в создавшихся условиях лишь спасти старый режим, дав реакции предлог для усиления репрессий. Звать рабочих к неподготовленному восстанию, по мнению Плеханова, значило бы толкать их к поражению.

В письме в Петербург от 18 декабря 1905 года Плеханов изложил свои взгляды на тактику российской социал-демократии в создавшейся ситуации. Он подчеркнул, что для пролетариата выгоднее всего было бы отсрочить решительное столкновение с правительством: апеллировать к силе нужно тогда, когда эта сила есть, а когда ее нет, нужно методично и настойчиво наращивать ее путем ведения революционной агитации, сохраняя при этом необходимое хладнокровие. Между тем две самые влиятельные петербургские легальные социал-демократические газеты того времени – «Новая жизнь» и «Начало» – проводили агитационную линию на скорейшее проведение вооруженного восстания, что не могло не настораживать Плеханова. Не разделял он и чересчур оптимистических прогнозов Троцкого и Парвуса, ратовавших в «Начале» за «перманентную» революцию и прави-

тельство «рабочей демократии», тогда как, по мнению Плеханова, еще не пришло время рвать с теми слоями буржуазии, которые могли бы поддержать натиск народа на абсолютистский режим¹.

Тем не менее предостережения Плеханова не были услышаны, вооруженное восстание произошло и было жестоко подавлено.

В конце декабря 1905 года вышел из печати четвертый номер «Дневника социал-демократа», где появилось следующее заявление Плеханова: «Несвоевременно начатая политическая забастовка привела к вооруженному восстанию в Москве, в Сормове, в Бахмуте и т.д. В этих восстаниях наш пролетариат показал себя сильным, смелым и самоотверженным. И все-таки его сила оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство нетрудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие»².

Это заявление Плеханова вызвало большой общественный резонанс, гнев и критику даже среди его сторонников.

Вместе с тем отметим, что он осудил здесь не рабочих, а их вождей, которые не захотели «притормозить» восстание, открыв все шлюзы перед напором народной стихии. Плеханов писал: «Вы скажете мне, может быть, что я хочу тормозить движение. Я спорить и прекословить не буду. Почему и не затормозить его? Роль тормоза не всегда заслуживает осуждения. Ее играл Робеспьер, борющийся с жирондистами, которые несвоевременно призывали к вооруженному восстанию. Ее играл в 1848 году неисправимый заговорщик и неукротимый революционер Бланки. Ее играл руководимый Марксом Общий совет Международного товарищества рабочих, предостерегавший – в воззвании от 9 сентября 1870 года – парижский пролетариат от несвоевременных вспышек»³.

Таким образом, видимо, каждое новое поколение будет заново отвечать на вопрос о том, нужно или не нужно было браться в декабре 1905 года за оружие. В советское время его решали, как правило, в духе Ленина, буквально бичевавшего Плеханова за оппортунизм. Сейчас гораздо больше симпатий вызывает политическая позиция Плеханова, ошибочно воспринимаемая многими как его принципиальный якобы отказ от

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 5. С. 232.

² Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XV. С. 12.

³ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XV. С. 12.

насильственных методов борьбы, что явно не соответствует действительности, но зато отвечает сегодняшней политической конъюнктуре.

Оставаясь на почве исторических фактов, следует признать, что в конце 1905 года и царское правительство, и революционеры вместе с частью рабочих активно стремились к открытому вооруженному столкновению, которое должно было склонить чашу политических весов в ту или другую сторону. При этом правительство не только отвечало на удары революционеров, но и само провоцировало обострение ситуации в Москве (разгон массового митинга в саду «Аквариум» 8 декабря и нападение на штаб-квартиру московских дружинников в училище Фидлера 9 декабря). С другой стороны, шансов на победу дружинников в Москве в декабре 1905 года действительно было очень мало. Да и победа в одном городе, пусть даже во второй столице империи, еще не могла стать залогом победы революции в целом, поскольку соотношение сил в масштабах всей страны складывалось в конце 1905 года еще отнюдь не в пользу революционеров.

Вместе с тем неправильно было бы истолковывать плехановскую оценку московского восстания как доказательство его перехода на реформистские позиции и принципиального отказа от вооруженной борьбы с правительством. Другое дело, что декабрьская неудача еще больше укрепила в Плеханове чувство осторожности при выборе времени и места будущего восстания.

С начала 1906 года быстро пошел процесс нового сближения Плеханова с меньшевиками. Так, накануне открытия IV (Объединительного) съезда РСДРП в Стокгольме группа меньшевистских делегатов обратилась к Плеханову с письмом, в котором называла его и Аксельрода основателями и самыми видными идейными вождями партии и просила их участвовать в съезде.

Делегаты съезда, помимо объединения партии, которое во многом стало формальным, рассмотрели два очень важных тактических вопроса. Один из них был связан с отношением социал-демократии к вооруженному восстанию, второй касался линии поведения РСДРП в связи с предстоящим 27 апреля 1906 года открытием I Государственной Думы.

Большевики были убеждены, что новое восстание – вопрос нескольких ближайших месяцев и необходимо сделать все возможное для его практической подготовки с учетом неудачного опыта декабря 1905 года. Меньшевики же так не считали, повторяя свой тезис о «са-

мовооружении» народа, важности агитации за восстание и предостерегая от попыток вовлечь пролетариат в вооруженную борьбу с правительством при неблагоприятных для рабочих условиях.

Плеханов также выступил при обсуждении данного вопроса, причем красной нитью через всю его речь проходила мысль о том, что новое восстание – это дело далекого будущего и народ еще не прошел школу всесторонней подготовки к предстоящим боям. При этом он сослался на опыт подготовки пруссаков к борьбе с Наполеоном после проигранного ими в 1807 году Иенского сражения, которая заняла не один год. Он призвал делегатов съезда голосовать за проект меньшевиков, который и был принят большинством голосов с некоторыми редакционными поправками. Активно участвовал Плеханов и в обсуждении вопроса о думской тактике РСДРП. Здесь он призвал социал-демократов принять участие в выборах там, где к моменту работы партийного съезда они еще не закончились, и фактически санкционировал создание думской фракции РСДРП. Выступая на съезде, Плеханов подчеркнул, что Дума стоит на столбовой дорожке революции, и пренебрегать ею как важным средством политико-юридического воздействия было бы большой ошибкой.

При этом Плеханов особое внимание посвятил исследованию законодательства как важнейшего юридического инструментария по регулированию социальной жизни общества. Большой политико-юридический интерес представляет анализ такого важнейшего политико-правового акта, как конституция.

Следует отметить, что в термин «конституция» Плеханов вкладывает широкий смысл. Он говорит о «политической конституции», отличая ее от «социальной конституции». В первом случае у него речь идет о государственном строе, во втором – об общественном строе. В частности, он пишет: «...политическая конституция всякой данной страны естественно вырастает из социальных условий ее быта»¹. При этом соответствие между политическими формами и социальными условиями быта устанавливается не сразу, так как и условия эти тоже не сразу принимают совершенно новый вид. В течение известного времени может существовать очень сильное противоречие между конституцией страны и ее социальным бытом. Это противоречие и порождает проявления общественного недовольства, оппозиционные и

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. III. С. 236.

революционные течения. Так, социальный быт России долгое время отличался от социального быта Западной Европы. С развитием в России капитализма изменяется ее социальный быт. Процесс европеизации России в области экономики необходимо поведет за собою и политическую европеизацию России в духе новейших европейских конституций.

«В настоящее время, — писал Плеханов, — между новыми условиями нашей социальной жизни и нашей конституцией существует противоречие»¹. Но попытки реакции удержать за собой прежние позиции обречены на провал. Развитие и торжество капитализма в России неизбежно приведет к гибели царизма и установлению новой политической конституции. При решении вопроса о конституции в традиционном для юристов смысле Плеханов исходит из положений Ф. Лассалья, развитых последним в его речах «О сущности конституции» в самый разгар так называемого «конституционного конфликта» в Пруссии (1862–1866 гг.). Плеханов находит прекрасным выражение Лассалья, что всякая конституция соответствует реальным, фактическим отношениям политических сил, существующим в стране, и что конституции не составляют исключительную особенность новейшего времени. Новейшее время характеризуется лишь тем, что существующие теперь отношения политических сил заносятся на бумагу и выражаются в писаных конституциях, между тем как прежде в этом не видели надобности. Писаная конституция будет хорошей и прочной, когда она соответствует действительной конституции, т.е. существующим в стране реальным отношениям общественно-политических сил. Плеханов считает, что конституция есть не что иное, как юридическое выражение фактического соотношения политических сил, существующего в данной стране. Эта конституция может устареть, а потому и плохо выражать это соотношение. Она может также быть неверным выражением действительного соотношения сил с самого своего появления.

Итак, главный, с точки зрения политико-правового учения марксизма, вывод Лассалья, сформулированный им в его речи «О сущности конституции», состоит, по словам Плеханова, в том, что сущест-

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. III. С. 237.

венной основой политического устройства каждой данной страны является отношение общественно-политических сил¹.

Плеханов, продолжая изложение взглядов Лассалья, отмечает, что для того чтобы писаная конституция была хороша и прочна, нужно, чтобы она соответствовала действительной, т.е. существующим в стране реальным отношениям общественно-политических сил. Раз нарушено это соответствие, то ее не спасут уже никакие фразы об ее неприкосновенности.

Заслуга Лассалья состоит, по словам Плеханова, в следующем: «Лассаль не ограничивается тем выводом, что конституция каждой данной страны служит юридическим выражением существующего в ней соотношения общественных сил. Он старается найти те причины, которыми определяется это соотношение, и находит их в общественной экономике»².

К вопросу о политической и социальной конституции и об их соотношении Плеханов возвращается в связи с критикой взглядов Прудона.

«Прудон критиковал политическую конституцию с точки зрения частного права. Он хотел увековечить частную собственность, а государство, эту опасную «фикцию», разрушить навсегда. Уже Гизо сказал, что корень политической конституции государства — в господствующих в нем имущественных отношениях. По Прудону же — политическая конституция обязана своим происхождением "человеческому невежеству"»³.

Вопрос о политической конституции ставился, как известно, и французскими историками времен реставрации. Они сделали тот важный для политико-правовой науки вывод, что политические конституции коренятся в социальных отношениях, которые, в свою очередь, определяются состоянием собственности.

Основной вывод, к которому приходит Плеханов, состоит в том, что «...политическая конституция всякой данной страны, естественно, вырастает из социальных условий ее быта,.. коренится в условиях ее социального быта», вырастает из ее экономических отноше-

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. VI. С. 86.

² Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. VI. С. 57.

³ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. VI. С. 57.

ний¹. Это марксистское материалистическое решение вопроса означает, что изменение социальных условий, изменение экономической основы общества неизбежно влечет за собой изменение политической конституции, политических форм.

Большой заслугой Плеханова было то, что он понимает термин «конституция» не в одном лишь юридическом смысле, т.е. узком и привычном для понимания юристов. Он вкладывает в этот термин более глубокое и более широкое содержание. Он часто говорит о «политической конституции», которую он, как нетрудно убедиться, отождествляет с «политическим строем», «политическим устройством», «политическими учреждениями», «политическими формами»². При этом понятие «политической конституции» Плеханов отличает от понятия «социальной конституции» или «социальной организации».

Плеханов дает характеристику ряда конституционных актов, в частности, якобинской конституции 1793 года. Он отмечает, что авторы этой конституции, монтаньяры, представители «черни» выработали самую свободную из всех когда-либо написанных во Франции конституций. «Этой конституцией вводилось прямое народное законодательство и права исполнительной власти были сведены до минимума. Но по указанным внешним и внутренним причинам монтаньяры не имели возможности привести ее в действие»³.

В поле зрения Плеханова оказался и такой конституционный акт периода Французской буржуазной революции, как «Декларация прав человека и гражданина» 26 августа 1789 года. Эта «Декларация», как известно, вошла в качестве составной (вводной) части Французской конституции 3-го сентября 1791 года.

В неоконченной рукописи «Современные задачи русских рабочих» Плеханов дал политико-правовую характеристику буржуазной республики во Франции и Швейцарии. Отличительной особенностью этих государств, отмечает Плеханов, является наличие в них политической свободы и политических прав. Народу же «...живется гораздо лучше в тех странах, где есть политическая свобода»⁴. «Во Франции... совсем нет "государя": ни царя, ни короля, ни императора. Франция —

¹ Плеханов Г. В. Сочинение. М., 1923. Т. III. С. 237.

² Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. III. С. 237.

³ Там же. Т. IV. С. 61.

⁴ Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1934. Сб. I. С. 162.

республика. Законы издают в ней выборные от всего народа, приводят их в исполнение чиновники, из которых высшие, т.е. обладающие самой большой властью, опять-таки выбираются, правда, уже не всем народом, но его выборными. Каждый рабочий, достигший 21 года, имеет право не только выбирать этих выборных, но и быть самому выбранным в народные представители, заседать в законодательном собрании, может быть рядом с тем самым капиталистом, у которого он перед этим работал на фабрике. Кроме того, в той же Франции рабочие имеют право устраивать открытые союзы, собрания, издавать свои книги и газеты. Французская республика есть свободная страна. Швейцарская республика пользуется всеми этими благами в еще большей степени. Там еще больше политической свободы»¹.

Переходя к России, Плеханов писал, что русские рабочие должны «...положить конец абсолютной (т.е. неограниченной) монархии». Нам нужно поскорее завоевать себе политические права политическую свободу. Далее Плеханов разъясняет: «Эти права и эта свобода должны быть обеспечены законом и притом так, чтобы те законы, в которых выражаются ваши права и ваша свобода, были самыми главными, основными законами русского государства, чтобы они были меркой, которой мерились бы все другие законы, чтобы не мог быть издан никакой закон, нарушающий ваши права и вашу свободу. Такие основные законы составляют то, что называется конституцией, значит вам нужно добиваться конституции и требовать, чтобы эта конституция обеспечила ваши права и вашу свободу»². Наконец, в тексте было место, которое сам автор зачеркнул, но которое весьма характерно для всего хода его рассуждений: «... поскорее ограничить власть "Его величества" властью народных представителей... и провозгласить Российскую Республику...»³.

После Объединительного съезда Плеханов уделял особенно много внимания тактике РСДРП в связи с созывом I Государственной Думы (27 апреля — 8 июля 1906 г.). Он неоднократно выступал в то время на страницах петербургской меньшевистской газеты «Курьер», где были опубликованы, в частности, два его «Письма о тактике и бестактности». Плеханов призывал рабочих поддержать борьбу Думы с

¹ Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1934. Сб. I. С. 162.

² Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1934. Сб. I. С. 163.

³ Там же.

правительством, одобрил выдвинутый кадетами лозунг создания ответственного перед ней кабинета министров и положительно оценил выступления кадетских депутатов в защиту демократических прав и свобод.

В «Письме к рабочим» (1906 г.) из серии писем «О тактике и бестактности» Плеханов вновь повторяет свою мысль, что «для успешной борьбы за социализм нужна политическая свобода»¹. В последующих письмах, основываясь на положении, что рабочий класс России больше страдает от недостаточного развития капитализма, он считал ближайшей целью пролетариата не завоевание революционной диктатуры для себя, а торжество народного самодержавия, т.е. ниспровержения старого порядка, который можно назвать добуржуазным порядком и при существовании которого пролетариат не может созреть для своей классовой диктатуры.

Лейтмотивом всех выступлений Плеханова в период отступления революции могли бы стать его слова из первого «Письма о тактике и бестактности», где говорилось: «Трудность состоит не в том, чтобы сознать противоположность интересов буржуазии и пролетариата. В наших рядах сознание этой противоположности приобрело уже, можно сказать, прочность предрассудка. Трудность состоит в том, чтобы, сознавая эту противоположность и поступая всегда и вполне сообразно этому своему сознанию, определить те приемы нашей деятельности, которые дали бы нам возможность использовать — в интересах освободительного движения пролетариата — нынешнее оппозиционное настроение нашей буржуазии»².

С точки зрения формальной логики это был прекрасный план. Вместе с тем, в реальной жизни степень поляризации классовых интересов российского пролетариата и буржуазии была уже такова, что полноценные политические блоки между представлявшими их партиями оказались в 1905–1907 годах и позже невозможными. Буржуазии, которая привыкла ориентироваться в России на правящие «верхи», а не на компромиссы с трудящимися классами, не нужен был столь строптивый и сильный союзник, как российский пролетариат. В свою очередь, сочувствовавшие революции рабочие слишком хорошо знали истинную цену либерализму отечественной буржуазии, чтобы

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1925. Т. XV. С. 90.

² Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1925. Т. XV. С. 95.

принимать его всерьез в своих политических расчетах. Не случайно тактические планы Плеханова не встретили понимания ни у большевиков, ни у основной массы меньшевиков, которым его политическая линия казалась слишком прокадетской.

Между тем первая российская революция подходила к концу. В целом, результаты революции достаточно точно отражали реальное соотношение политических сил на арене России. Оценка Плехановым первой российской революции с высоты сегодняшнего дня представляется нам, в общем и целом, верной. Народ еще не мог тогда сбросить с себя гнет самодержавия. Первый штурм царизма закончился неудачей, хотя борьба народа была далеко не бесплодной. Далеко не решив всех стоящих перед ней задач, революция 1905–1907 годов все же разбудила народ, показала в действии все классы и политические партии, ускорила политическое самоопределение и размежевание общественных сил. Основным выводом Плеханова из анализа революционных событий 1905–1907 годов состоял в консолидации всех общественных сил в политической борьбе против самодержавия.

3. Г. В. Плеханов о политико-правовом развитии России в 1908–1918 годах

3.1. Анализ Г. В. Плехановым закономерностей исторического развития общества и возможных перспектив генезиса России

Поражение революции 1905–1907 годов имело огромные последствия для революционного движения и политико-правовой мысли России. Освободительное движение не привело к тем результатам, к которым должно было привести, не внесло обновления, не привело к укреплению государственности (за исключением небольшого ее роста — Государственной Думы) и к подъему народного хозяйства. Многочисленные смертные казни, необычайный рост преступности, огрубление нравов повлекли за собой уменьшение гражданственности. Политический кризис породил кризис духовный. Русское общество, истощенное напряжением и неудачами, впало в оцепенение. Русская литература была залита мутной волной сенсационных описаний. В среде интеллигенции начал распространяться интерес к психической жизни. Этот интерес начался с тоски по погибшей революции, по исчезнувшему настроению тех дней, с чувства бессмысленности своей

жизни, из которой ушло то, что безраздельно захватывало всю психическую жизнь. Отсюда возникли вопросы, что такое «моя» жизнь и каково будущее. Поиски ответа на эти вопросы привели к богоискательству. О настроении того периода очень характерно говорилось в письме Плеханову Александры Михайловны Коллонтай от 19 января 1909 года: «Вообще же Петербург, насытившись эротическим настроением, с увлечением дебатировать теперь религиозные вопросы. Наибольшее количество публики, и не только "буржуазной интеллигенции", но и "наших", встретите в Религиозно-философском обществе, наибольшей популярностью пользуется знаменитая "Троица" — Гишпиус, Мережковский и Философов. Это нечто очень слабое, хаотичное, ничтожное, и успех их объясняется только вообще повышенным интересом к религиозным исканиям...»¹. Вместе с тем она отмечала, что, несмотря на страшную безработицу, на репрессии и преследования, дух рабочих стал бодрее; возвращается интерес рабочих к политической жизни, укрепляется профсоюзная работа, в клубах идут лекции и занятия.

В сложившихся условиях лучшие представители русского общества задумались об историческом пути России. Вдумываясь в пережитое, они пришли к выводу, что нельзя видеть в случившемся историческую случайность или только игру стихийных сил. Причины того, что русская революция развила огромную разрушительную энергию, уподобилась гигантскому землетрясению, но ее созидательные силы оказались далеко слабее разрушительных; многие увидели в закономерностях предыдущего исторического развития страны. Отсюда последовал неизбежный вывод: если русское общество действительно жизнеспособно и несет в себе зародыш будущего, то эта жизнеспособность должна проявиться прежде всего в готовности и способности учиться у истории.

В социал-демократических организациях все чаще стали произносить новое слово «ликвидаторство», означавшее отказ части меньшевиков от подпольной работы, уход в легальные организации и отречение от наследия 1905–1907 годов. У большевиков были свои проблемы, связанные с нежеланием некоторых партийных работников примириться с необходимостью временного отказа от наступательной

¹ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973. Т. 1. С. 240.

тактики, боевых дружин, бойкота Думы. И хотя основное ядро большевиков продолжало верить Ленину, а меньшевики категорически отказывались ставить знак равенства между меньшевизмом как таковым и «ликвидаторством», кризис в РСДРП, который развивался параллельно с кризисом в партии эсеров и у кадетов, значительно ослаблял революционный лагерь.

В 1908 году Плеханов опубликовал «Заметки публициста». В них Плеханов сумел поставить ряд вопросов, без уяснения которых критический анализ уроков революции был бы просто невозможен. Так, Плеханов верно заметил, что в 1905–1907 годах революционеры плохо знали, а потому и мало принимали в расчет социальную психологию народных масс, особенно крестьянства, ориентируясь в основном на настроения демократической интеллигенции и узкого политизированного слоя рабочих. На примере июльских событий 1906 года Плеханов показал, что неправы были тогда не только большевики, предсказывавшие в самое ближайшее время новое вооруженное восстание, но и меньшевики, звавшие народ к всеобщей стачке в защиту распущенной царем I Государственной Думы, поскольку ни те, ни другие не знали по-настоящему настроений широких слоев народа. «...Когда составляются наши "лозунги", резолюции и т.д., — писал Плеханов, — то при их составлении всегда принимается во внимание именно "интеллигентская" и к тому же еще кружковая психология: такие-то строки вводятся для того, чтобы пояснить дело таким-то "практикам", а такие-то затем, чтоб такой-то икс или игрек не обвинил нас в оппортунизме и т.п., — в результате получается нечто, может быть, гениальное с точки зрения "интеллигентской" кружковщины, но, несомненно, очень мало пригодное для агитации в широкой массе»¹.

Разбирая проект аграрной реформы, внесенный в III Думу крестьянскими депутатами умеренноправого направления, Плеханов обращал внимание на то, что, помимо довольно радикальных земельных требований, которые как будто не очень вязались с их монархизмом, в этом проекте присутствовало и требование создания демократических земельных комитетов, свидетельствовавшее о значительном прогрессе в развитии политического сознания крестьян. Революционерам, подчеркивал Плеханов, нужно очень бережно и умело подойти к самым

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1925. Т. XV. С. 426.

отсталым крестьянским слоям, чтобы, не запугивая мужика своей «ультрареволюционностью», осторожно, но систематически воздействовать на его сознание, придавая ему силу, подвижность и смелость. Ведь в 1905–1907 годах всю революцию в целом подвели именно политическая темнота и пассивность деревни, без преодоления которых рассчитывать на победу народа над самодержавием нельзя. Не нужно забывать, писал Плеханов, что от степени сознательности русского крестьянина зависит во многом и поведение русского солдата, который может либо стрелять в народ, как это и было в основном в 1905–1907 годах, либо повернуть оружие против его угнетателей¹.

Большое значение имел также призыв Плеханова к развитию самостоятельности рабочей массы и ее сближению с революционной интеллигенцией, к объединению всех демократических сил страны при сохранении строго пролетарского характера РСДРП, к восстановлению временно утраченного рабочим классом положения гегемона освободительного движения в России². Особенно радикально выглядел последний тезис, который, как показали последующие события, существенно отличался от позиций многих меньшевиков, отказывавшихся в то время от самой идеи гегемонии пролетариата.

Вместе с тем постепенно внимание Плеханова все больше переключалось на теоретико-политические вопросы. В 1908 году Плеханов написал работу «Основные вопросы марксизма», в которой в доступной форме изложил важнейшие положения диалектического и исторического материализма, показал связь марксизма с предшествующим развитием передовой политико-правовой мысли и вместе с тем тот качественный скачок в понимании сущностных явлений природы и общества, который связан с именами Маркса и Энгельса.

В работе «Основные вопросы марксизма» особый интерес представляют те ее разделы, которые посвящены изложению взглядов Маркса и Энгельса на ход политико-юридического процесса. В частности, Плеханов впервые подчеркнул здесь значение социально-психологического компонента общественного сознания как важного промежуточного звена между социально-политическим строем, который вырастает на базе определенной системы производственных отношений, и различными идеологическими надстройками. В итоге у

него получалась своего рода пятичленная формула, раскрывающая механизм взаимодействия основных факторов, определяющих ход человеческой истории: 1) состояние производительных сил; 2) обусловленные им экономические отношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной социальной основе; 4) психология общественного человека; 5) различные идеологии, отражающие свойства этой психологии¹.

Коснулся Плеханов и вопроса о том, возможна ли серьезная, аргументированная научная критика Маркса и марксизма. Он отнюдь не считал великого немецкого ученого непогрешимым, указав, в частности (вслед за Энгельсом), на ошибки основоположников марксизма в 1848 году, когда они, с одной стороны, недооценили способность капитализма к дальнейшему развитию, а с другой – переоценили порыв большинства рабочих к революционному действию. Но он был категорически против дилетантской, спекулятивной критики марксизма, нередко основанной на слабом знакомстве со взглядами Маркса и Энгельса или непонимании сущности марксистского учения.

В период с 1909 года начался качественно новый этап научной деятельности Плеханова. Для понимания его политико-юридических взглядов важное значение имеет тот факт, что в этот период он начинает работать над «Историей русской общественной мысли». Плеханов поставил в своем труде цель – исследовать развитие русского общественного сознания как находившегося в зависимости от соответствующего общественного бытия. Во введении к своему труду Плеханов счел необходимым установить основу своей точки зрения на русский исторический процесс, на то бытие, под влиянием которого развивалось русское общественное сознание, на тот ход вещей, который обусловил собой ход идей, избранных предметом исследования. Таким образом, он стремился показать историю социально-экономической основы русской общественной мысли.

Разработка Плехановым нового взгляда на русский исторический процесс прямо связана с его осмыслением итогов первой русской революции. Об этом он впоследствии писал в своем письме к Н. А. Иорданскому от 4 июля 1915 года: «Оно <"Введение" к "Истории русской общественной мысли"> включает в себе философию ис-

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1925. Т. XV. С. 427.

² Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1925. Т. XV. С. 433.

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. III. С. 179–180.

тории русской революции 1905–1906 годов. Кто знает эту философию истории, тот понимает и мою тактическую линию»¹.

Во «Введении» к «Истории русской общественной мысли» Плеханов счел необходимым обратить внимание на роль взаимных отношений классов в истории развития общества. Он утверждал, что ходом развития и взаимными отношениями классов, составлявших русское общество, должно быть объяснено относительное своеобразие русского исторического процесса.

Рассматривая вопрос о своеобразии классовой борьбы в России, Плеханов поставил проблему соотношения экономики и политики в ходе русского исторического процесса. Он разбирает мнение историка В. Ключевского, что в истории всякого данного общественного класса нужно различать два момента: экономический и политический. Первый из них выражается в разделении общества в соответствии с разделением общественного труда. Второй – завершает действия первого, распределяя общественную власть сообразно организации народного хозяйства и превращая экономические классы в политические сословия. Таким образом, из идей Ключевского вытекало, что политико-юридические факты являются следствием экономических. Но вместе с тем Ключевский считал, что в некоторых местах дело шло в обратном порядке. Страна, в которой сложилось народное хозяйство, может подвергнуться завоеванию, завоевание введет в нее новый класс и тем изменит положение и взаимные отношения прежних. Это вызовет перемены в хозяйственной жизни. Очень близко к этой схеме, в которой политический момент предшествует экономическому, создавались многие государства Западной Европы. Что же касается России, то Ключевский склонялся к мысли, что в ее истории господствовали смешанные процессы, т.е. каждый из этих двух моментов поочередно играл роль то предшествующего, то последующего: иногда образование сословий начиналось политическим моментом, а иногда являлось следствием экономического развития общества.

Для оценки позиции, в соответствии с которой на Западе экономический «момент» явился следствием политического, а в России экономика и политика чередовались, Плеханов рассмотрел многочисленные факты истории. Он пришел к мнению, что политико-правовые отношения возникают в условиях определенного хозяйственного ме-

¹ Архив Дома Плеханова. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 567.

ханизма, господствующие классы или группы всегда заботятся о такой системе законодательства, которая позволила бы им отстаивать выгоды своего экономического положения. Если принять во внимание факт завоевания, то становится очевидным, что завоевателям нет надобности изменять хозяйственный механизм попавшей в их распоряжение страны, они только стремятся присвоить себе прибавочный продукт, производимый трудящимся населением страны при таких хозяйственных условиях, которые существовали в ней еще до завоевания. Отсюда ясно, считает Плеханов, что политический момент выступает после экономического и что первый определяется вторым в характере своего действия.

Вместе с тем Плеханов не исключал обратного воздействия политического момента на экономический, обусловивший его возникновение и характер, в тех случаях, когда политико-юридические средства активно используются для защиты экономических выгод.

Общий вывод Плеханова следующий: политический момент никогда и нигде не идет впереди экономического, наоборот, возможное возникновение и действие политического момента, его направление, быстрота, характер, яркость процессов «...заранее определяются моментом экономическим»¹.

Сделав подобный вывод, Плеханов перешел к рассмотрению условий времени и места, определявших русский исторический процесс.

По мнению Плеханова, история России обнаруживает черты сходства как с историей западноевропейских стран, так и с процессом развития великих восточных деспотий – Китая, Индии, Персии, Египта, сохраняя, однако, свою специфику и неповторимость. При этом если Восток как бы все время тянул Россию назад, в прошлое, то Запад олицетворял ее будущее, хотя интенсивно протекавший со времен Петра I процесс европеизации нашей страны оставался еще далеко не завершенным даже через два столетия после начала петровских реформ.

Свою мысль о постоянных колебаниях России между Западом и Востоком Плеханов проиллюстрировал на примере недавних событий 1905–1907 годов. Взрыв этот, писал он, явился равнодействующей двух совершенно различных по своей природе сил, одна из них была создана процессом европеизации страны, вторую породил ее старый восточный быт, первую олицетворял рабочий класс, вторую – крестья-

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1927. Т. XX. С. 19.

яństwo. Пока одна сила подкрепляла действие другой, революция шла на подъем, но когда они стали работать в противоположных направлениях, консервативная сила укрепила позиции защитников старого порядка и тем самым предопределила поражение революционеров¹.

Как марксист, Плеханов стремился показать прежде всего те материальные факторы, которые обусловили особенности исторического развития России: ее сложные и далеко не всегда благоприятные для человека природно-климатические условия, открытость границ для соседей – завоевателей и кочевников, интенсивные и продолжительные по времени колонизационные процессы, длительное преобладание натурального хозяйства, слабость городов и как результат – относительно медленный темп социально-экономического прогресса страны. По мнению Плеханова, в отличие от Запада на Руси были укреплены не только крестьяне, но и высшее, служилое сословие, что сближало ее с восточными деспотиями. Основой этих порядков была та своеобразная «национализация» земли, которая утвердилась в России, по крайней мере, со времен Ивана Грозного, т. е. с середины XVI века, когда царь стал верховным земельным собственником в масштабах всей страны. Аналогичная ситуация существовала в древнем Египте, Китае, Персии, Индии, тогда как на Западе получила распространение частная феодальная собственность на землю.

Плеханов был твердо убежден в том, что царское правительство в России было самым дорогостоящим для подданных, и вместе с тем самым неэффективным правительством в мире. Вынужденные отстаивать независимость Русского государства в борьбе с более сильными и экономически развитыми западными соседями, московские великие князья, а затем и цари безжалостно эксплуатировали свое укрепленное население, причем степень этой эксплуатации значительно превосходила даже самые бесчеловечные восточные нормы. Не приходится поэтому удивляться ни нищете русского народа, ни его забитости. Плеханов не раз отмечал в своих произведениях, в том числе и в «Истории русской общественной мысли», аполитичность, консерватизм и царистские иллюзии крестьянства, а также политическую инертность городского населения в России, что не могло не наложить глубокий отпечаток на весь ход русской истории. Все сказан-

¹ См.: Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1914. Т. 1. С. 113.

ное выше и обусловило появление ряда своеобразных черт «...в ходе нашего умственного развития и в нашем так называемом народном духе».

Большое значение придавал Плеханов такому важному фактору общественно-политического развития, как классовая борьба, борьба сословий и отдельных слоев внутри того или иного класса или сословия. Не случайно во введении к своему труду он особо выделил мысль о том, что «ход развития всякого данного общества, разделенного на классы, определяется ходом развития этих классов и их взаимными отношениями, т. е., во-первых, их взаимной борьбой там, где дело касается внутреннего общественного устройства, и, во-вторых, их более или менее дружным сотрудничеством там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений»¹.

Вторая часть этой формулы рассматривалась в советское время как попытка теоретического оправдания той социал-патриотической позиции, которую занял Плеханов в 1914–1918 годах. Действительно, будучи возведено в ранг некоего общесоциологического закона, это положение достаточно уязвимо и опровергается, например, конкретными фактами из истории России времен Первой мировой войны. Однако в известных пределах тезис Плеханова – все же отражает исторические реалии: так, в 1904 и осенью 1914 – начале 1915 годов в России, несомненно, имел место резкий спад рабочего движения, который трудно объяснить одним лишь усилением правительственных репрессий в условиях военного времени. В еще большей степени это относится к крестьянскому движению и выступлениям средних городских слоев. Немало аналогичных фактов можно найти и в более отдаленные периоды отечественной истории, например, в 1812 году.

Однако чем острее были социально-экономические противоречия внутри страны, тем относительнонее было это достаточно хрупкое национальное единство, которое разрушалось не столько «пораженческой» пропагандой наиболее радикально настроенной части революционеров, сколько далеко не равным распределением физических, материальных и психологических тягот войны между различными социальными слоями нации. Этих важных моментов формула Плеханова явно не учитывала. Неудачным был и термин «дружное сотрудничество», которое употребил в данном случае Плеханов, имея в виду

¹ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1914. Т. 1. С. 11.

взаимоотношения антагонистических классов в период войн. Вместе с тем его мысль о том, что в некоторых ситуациях базовое этническое начало выступает на первый план по сравнению с социальными различиями, была очень продуктивной и заслуживает самого серьезного внимания.

Хотелось бы подчеркнуть, что в «Истории русской общественной мысли» Плеханов выступает как убежденный материалист, просветитель-западник и революционер. Не ограничиваясь общими декларациями в духе исторического материализма, он на богатейшем конкретном материале российской истории показывает, как естественно-природные условия влияли на уровень развития производительных сил, а затем убедительно выстраивает логически завершенную цепочку: система производственных отношений – социальная структура общества – взаимоотношения между классами и их борьба – политическая и правовая надстройка. Движение общественной мысли для Плеханова – это отражение общественного бытия. Поэтому совершенно не случайно появление в его работе таких глав: «Движение общественной мысли под влиянием борьбы духовной власти со светской», «Движение общественной мысли под влиянием борьбы дворянства с боярством», «Движение общественной мысли под влиянием борьбы царя с боярством» и т.д.

В то же время Плеханов далек от грубых социологических схем и упрощенного, прямолинейного подхода к такому специфическому явлению, как общественная мысль вообще и русская общественная мысль в особенности. Тот факт, что Россия стояла на границе между Востоком и Западом не только чисто географически, но была и своеобразным цивилизационным мостом между ними, не мог не наложить отпечатка и на развитие ее духовной жизни. Может быть, именно поэтому так велика была роль в ее судьбе разного рода внешних влияний, подражаний и заимствований, которые существенно деформировали естественный ход исторического развития, вызывая в свою очередь в качестве ответной реакции усиление консервативных, «почвенных» тенденций. В этих условиях передовая русская общественная мысль, ориентированная на Запад, часто не находила опоры в реальных общественных отношениях, отрывалась от них, приходила в конфликт с властью и оставалась на уровне «бессмысленных мечтаний», не находя понимания и поддержки ни в «верхах», ни в «низах».

Один из трагических парадоксов российской действительности состоял в том, что, повернувшись в сугубо прагматических целях лицом к Западу, который мог дать России передовую технику и знания, царизм не хотел довести этот процесс до логического конца, не допуская даже мысли об освобождении своего народа от того социального и духовного рабства, в котором он веками пребывал. Отсюда и возникали те «тупиковые» ситуации, в которые постоянно попадала передовая русская общественная мысль, а также личные трагедии многих ее лучших представителей. Как показал Плеханов, эти люди начинали понимать, что «дело русского прогресса будет иметь под собою твердую почву только тогда, когда в России разовьется капитализм»¹. Но именно этого и не хотел царизм, веками цеплявшийся за феодальные порядки и принципиально отрицавший поэтому идеи свободы и юридического равенства всех граждан.

В целом же Плеханов был убежден в том, что «...чем более обостряется взаимная борьба общественных классов, тем быстрее движется вперед общественная мысль»². Недаром Гегель, к которому Плеханов относился с огромным уважением, говорил: противоречие ведет вперед. Именно эти противоречия российской действительности и давали, в конечном счете, основной, решающий импульс процессу развития общественной мысли, который исследовал Плеханов.

Таким образом, в поисках ответа на вопрос, что представляет собой исторический путь России, Плеханов считал необходимым исследовать – тождествен ли русский исторический процесс историческому процессу Западной Европы или же он представляет собой совершенно самобытное явление. Отвергая и теорию чистого своеобразия русско-исторического процесса, и теорию полного тождества этого процесса с западноевропейским, Плеханов выступает защитником того положения, что русский исторический процесс, совпадающий в своих основных тенденциях с западноевропейским, отличается все же от последнего. Эти особенности в целом ряде моментов отдаляют Россию от европейского Запада и приближают ее к азиатскому Востоку. Совершая, в общем, тот же путь, что и прочие европейские государст-

¹ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1919. Т. III. С. 247.

² Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1919. Т. III. С. 247.

ва, Россия в своем историческом пути нередко уклонялась в сторону восточных деспотий. Таким образом, Россия на протяжении всей ее истории, по характерному выражению Плеханова, как бы колеблется между Западом и Востоком. Характер этого колебания изменяется от одной исторической эпохи к другой. В Московский период эти колебания гораздо значительнее, чем в Киевский. После Петровской эпохи они начинают уменьшаться по мере ускорения и углубления процесса европеизации России. И эта последняя фаза европеизации далеко еще не закончена.

В схеме русского исторического процесса у Плеханова практически отсутствует постановка вопроса о развитии и смене общественных формаций. Этот тезис он заменил рассмотрением проблемы отношения России к Востоку и Западу, считая именно ее одним из центральных вопросов исторического процесса. Прогресс исторического развития России Плеханов показал как отход от Азии в сторону Европы. Своеобразие русского исторического процесса в значительной степени связывалось им с влиянием Азии.

Плеханов отметил и охарактеризовал следующие черты своеобразия России: замедленное экономическое развитие в результате медленного развития производительных сил, закрепощение государству всех слоев общества, развитие в русском обществе сознания о первейшей обязанности каждого служить государству, полное подчинение интересов личности интересам государства, объединение и сотрудничество классов вокруг идеи защиты русской земли, отсутствие социальных основ для какой-либо политической оппозиции абсолютизму, укрепление самодержавного порядка в результате классовой борьбы в русском обществе, наличие сильного аполитичного союзника самодержавию в лице крестьянства, разрыв между народом и интеллигенцией, зависимость передовой русской общественной мысли от хода развития западноевропейской мысли.

Путь европеизации, под которым Плеханов понимал достижения высокого уровня культуры всех слоев населения, связанный с возможностями высокого уровня развития производительных сил под влиянием капитализма, по его мнению, избавит Россию от этих черт азиатчины и создаст условия для перехода к социализму. Однако, пока этого не произошло, необходимо стремиться избавиться от всего, что мешает развитию капитализма и прежде всего от самодержавного деспотизма.

Идея Плеханова о том, что передовая русская интеллигенция, не видя реальной опоры для своих лучших, общечеловеческих устремлений в существующем экономическом, социальном, политическом строе России, обращается к общественной мысли Запада, нашла глубокое воплощение в ходе анализа политико-экономической мысли России в работе «История русской общественной мысли». Поскольку работа оказалась неоконченной, он успел подробно рассмотреть только историю общественной мысли XVI–XVIII веков. Но даже эти страницы представляют значительный интерес с точки зрения оценки политико-юридических воззрений Плеханова. В них четко отражен взгляд из «Введения», что развитие русской общественной мысли во всех основных моментах отражает ход западноевропейской мысли.

3.2. Политическая позиция Г. В. Плеханова в Первой мировой войне

В первые годы XX века международная напряженность стала чертой современной жизни, сохранявшейся, почти непрерывно, вплоть до нашего времени. Международные кризисы следовали один за другим, национальные конфликты, гонка вооружений набирали силу, а возможности дипломатических маневров уменьшались. В случае возникновения войны были основания опасаться того, что многосторонняя система союзов и далеко идущее имперское соперничество превратят ее в мировую. Не меньше тревог доставляли и новейшие технические достижения, угрожая небывалыми масштабами уничтожения людей и собственности. Стремясь предотвратить катастрофу, Социалистический Интернационал уже на рубеже веков начинает на своих съездах все большее внимание уделять выработке антивоенной политики пролетариата. Националистическому безумию, грозившему свергнуть мир в пропасть, социалистическая организация намеревалась противопоставить международную солидарность рабочего класса.

В дальнейшем, по мере обострения международной обстановки, II Интернационал не раз обращался к проблемам, связанным с борьбой против милитаризма и угрозы войны. Вместе с тем сторонников крайних, радикальных методов борьбы с военной опасностью вроде объявления в ответ на мобилизацию резервистов всеобщей антивоенной стачки с перспективой перевода ее в вооруженное восстание

было сравнительно немного, а их предложения расценивались обычно как чистейшая утопия. Тем не менее на довоенных конгрессах Интернационала не раз принимались резолюции о необходимости бороться с угрозой войны всеми доступными социалистам средствами (их выбор предоставлялся на усмотрение каждой отдельно взятой партии и должен был зависеть от конкретных условий). Если бы война все же стала, однако, фактом, социалисты видели свой долг в том, чтобы добиваться ее скорейшего прекращения и использовать созданную ею кризисную ситуацию для ускорения начала пролетарской революции.

Именно об этом шла речь в дополнении, предложенном Р. Люксембург, В. И. Лениным и Ю. О. Мартовым, к проекту резолюции по докладу А. Бебеля о борьбе с милитаризмом на Штутгартском конгрессе II Интернационала в 1907 году. В дальнейшем эти решения были подтверждены на Копенгагенском (1910 г.) и Базельском (1912 г.) конгрессах Интернационала.

Следует отметить, что Плеханов вполне разделял взгляды, нашедшие отражение в решениях II Интернационала. В ноябре 1912 года в органе французских социалистов «Le Socialisme» он заявил: «Для нас высший закон — это интересы международного пролетариата. Война же находится в полном противоречии с этими интересами. Поэтому международный пролетариат должен решительно встать против повинистов всех стран... Да, мы за мир. Но мы не пацифисты... Мы не верим в магическую силу слов. Мы знаем, что в мире существует только одна сила, способная поддержать мир, — это сила организованного международного пролетариата. Пусть сколько угодно обвиняют нас в парадоксальности, от этого не станет менее неоспоримым, что только война между классами сможет с успехом противостоять войне между народами»¹.

Тем не менее то, что произошло 1 августа 1914 года, когда началась Первая мировая война, не было трагической случайностью. Уже на протяжении многих лет Европа, а вместе с ней и весь мир медленно, но неотвратно приближались к большой войне. Ряд крупных международных кризисов первого десятилетия XX века, окончательное оформление двух крупных военно-политических блоков во главе с Германией и Англией, Балканские войны 1912–1913 годов,

¹ Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1973. Т. 2. С. 75.

роковой выстрел в Сараево 28 июня 1914 года, австрийский ультиматум Сербии 23 июля, мобилизация русской армии 30 июля — все эти события, в конечном счете, были звеньями одной большой цепи, именуемой предьсторией мировой войны.

Так началась Первая мировая война, имевшая для России поистине фатальные последствия: ведь даже Ленин, никогда не терявший веры в грядущее торжество русской революции, признавал, что, не будь войны, Россия могла бы прожить еще годы и даже десятилетия без революции против капиталистов¹.

Реакцией Плеханова на описанные выше события стала декларация, где подчеркивалось, что роль зачинщиков войны сыграли правящие круги Германии и Австро-Венгрии и что победа Германии может привести к поражению европейской демократии, тогда как победа Антанты, напротив, означала бы торжество демократических идеалов во всех европейских странах, включая Россию².

В открытом письме в редакцию кадетской газеты «Речь» от 30 сентября 1914 года, Плеханов изложил свою позицию. Он подчеркнул, что в войне между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Францией, Бельгией и Англией — с другой, «интересы прогресса находятся на стороне трех последних государств и поэтому каждый, дорожающий указанными интересами, должен желать победы именно этим государствам... — Далее Плеханов заявил, что хотя он и является принципиальным противником войны, но раз война началась, то желает — поражения виновному, т.е. нападающей стороне. А нападающей стороной, по моему глубокому убеждению, явилась Германия и ее союзница Австро-Венгрия»³. По мнению Плеханова, в случае победы Германии она постаралась бы сделать Россию своим экономическим вассалом, а это очень вредно отразилось бы на дальнейшем ходе ее развития по пути к той цели, которую ставит перед собой РСДРП, — демократической республике⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что вначале Плеханов предпочитал не говорить прямо о своем отношении к участию России в начавшейся войне.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 31.

² Крестовская Л. Из истории русского волонтерского движения во Франции. Париж. С. 123–124.

³ Речь. 1914. 15 октября.

⁴ Речь. 1914. 15 октября.

Война началась для России с крупной неудачей в Восточной Пруссии, где попала в окружение армия под командованием генерала Самсонова. Около 170 тыс. убитых и раненых, почти 30 тыс. попавших в плен — и это только за месяц боев! Довольно скоро стало ясно, что рассчитывать на быструю победу в войне России не приходится.

Резко изменилась и политическая ситуация внутри страны. Забастовочное движение быстро пошло на спад (здесь сказались и потерянные рабочие, и боязнь правительственных репрессий, и усиление патриотических чувств), а экстренная однодневная сессия Государственной Думы прошла под знаком патриотического единения всех политических партий за исключением крайне левых. Социал-демократы (и большевики, и меньшевики) выступили в Думе 26 июля (7 августа) 1914 года с антивоенной декларацией и не голосовали за военные кредиты.

В этой обстановке Плеханов занял двойственную позицию. Он понимал, что политический курс России определяется царизмом с его великодержавными амбициями и неискоренимой враждой к демократии, однако угроза германского нашествия, национального унижения, огромных людских, а возможно, и территориальных потерь была столь велика, что тревога за судьбу родины заслонила на время все остальное. О «пораженчестве» по примеру 1904–1905 годов, когда шла локальная русско-японская война, по мнению Плеханова, в 1914 году не могло быть и речи.

Между тем осенью 1914 года в русской революционной эмиграции шел сложный процесс политического самоопределения и размежевания на патриотов и интернационалистов, оставшихся верными идее пролетарского единства и необходимости борьбы с войной. Абсолютное большинство сторонников Ленина осудило начавшуюся войну как схватку равно виновных империалистических хищников и отказалось наложить мораторий на продолжение классового боя в период военных действий. Война между правительствами и насильственно вовлеченными в нее народами должна была превратиться, по мнению большевиков, в гражданскую войну внутри каждого воюющего государства, в европейскую, а затем и в мировую революцию, призванную открыть дорогу всеобщему демократическому миру на основе права каждой нации на самоопределение. При этом сам Ленин и наиболее последовательные и решительные большевики провозглашали лозунг поражения царского правительства как меньшего, с точки

зрения пролетариата, зла, считая, что аналогичной тактики по отношению к своему правительству должны были бы придерживаться социалисты-интернационалисты каждой воюющей страны.

В меньшевистских организациях, несмотря на преобладание умеренно интернационалистских и пацифистских настроений, смысл которых можно было бы выразить формулой: сначала заключение мира, а потом уже революция, были довольно сильны и различные оттенки оборончества. Существовало у меньшевиков и леворадикальное крыло во главе с Мартовым, однако левые меньшевики-интернационалисты никогда не доходили до таких крайностей, как революционное пораженчество, призывы к расколу с оборончески настроенными элементами меньшевизма или лозунг создания нового революционного Интернационала.

11 октября 1914 года в Лозанне Плеханов выступил с рефератом «Об отношении социалистов к войне». Он разделил реферат на две части: в первой речь шла об отношении к войне немецких и французских социалистов, во второй — о тактике РСДРП, характере и возможных последствиях военного конфликта. Плеханов констатировал, что единства в международном социалистическом движении больше нет. Идея всеобщей антивоенной стачки потерпела, как и следовало ожидать, полный провал. В Германии произошел гигантский взрыв шовинизма, французские рабочие были подавлены угрозой немецкого вторжения, и в итоге лозунг международной пролетарской солидарности повис в воздухе.

В общем и целом он охарактеризовал войну со стороны Франции как справедливую, оборонительную, и в этой связи Россия, как ее союзница, выступает в войне также справедливо. Германия же ведет войну захватническую и, следовательно, несправедливую, тем самым Германия — главная виновница войны, и поэтому республиканская Франция имеет полное право защищать свою свободу и независимость.

Вместе с тем Плеханову оппонировал Ленин, так он заявил, что начавшаяся война — «...вовсе не случайность, зависевшая от того или иного нападения». Она подготовлена всеми условиями развития буржуазного общества. Поэтому долг настоящего социалиста, которому позорно изменили оппортунисты II Интернационала, состоит в том, чтобы бороться с шовинистическим угаром и превратить лженацио-

нальную войну «...в решительное столкновение пролетариата с правящими классами»¹.

В своем ответе Ленину Плеханов был предельно краток. Если прав Ленин, сказал он, значит был неправ Маркс, который говорил, что каждый народ имеет право на существование, подразумевающее и право на защиту от нападения внешнего врага. Конечно, каждый социалист обязан бороться, прежде всего, с шовинизмом внутри своей собственной страны, но в случае объявления войны нужно решить вопрос о том, кто нападает, и со всей силой обрушиться на виновника. Именно об этом говорил Август Бебель еще на Штутгартском конгрессе II Интернационала 1907 года².

Эта дискуссия получила свое продолжение в работе Ленина «Пролетариат и война», в котором он противопоставил плехановскому пониманию происходящих событий свою собственную концепцию начавшейся европейской войны. Ленин считал ее захватнической с обеих сторон, несмотря на наличие определенных оттенков в политике каждой из стран-участниц. По его мнению, капитализм, выполнив «все для него возможное», поворачивает к упадку и задача социалистов состоит в подготовке революций во всех воюющих странах.

В свою очередь, Плеханов тоже решил изложить свои взгляды на войну в более развернутой и аргументированной форме. 15 октября 1914 года в органе английских социал-демократов «Justice» («Справедливость») было напечатано его письмо с призывом не верить тому, что Германия воюет против русского варварства. Истинная цель ее войны с Россией заключается в том, чтобы превратить последнюю в своего экономического вассала. В случае поражения Россия, по мнению Плеханова, потеряет всякую или почти всякую возможность положить конец самодержавному режиму, ибо победа Германии означала бы шаг назад в прогрессивном развитии Западной Европы и окончательное или почти окончательное торжество русского деспотизма.

В письме, датированном 3-м февраля 1915 года, Плеханов развернуто ответил о положении России в войне, в нем подчеркивалось, что раз война начата Германией, то российский пролетариат имеет полное право и, больше того, просто обязан защищать свою страну. При этом Плеханов считал, что позиция «самозащиты» не будет озна-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 25.

² Голос. 1914. 21 октября.

чать разрыва с марксистской идеей классовой борьбы, поскольку пролетариат России фактически воюет с немецкой буржуазией, заключившей союз с германским юнкерством и оппортунистами из германской социал-демократической партии, а не с немецкими рабочими и крестьянами¹.

Коснулся Плеханов и вопроса о захватнических планах царизма, так, он писал: «Говорят, что Россия тоже не прочь от империализма. Но Россия вследствие своей экономической отсталости совершенно не в состоянии наложить экономическое иго на Германию или на другую капиталистическую страну. Это ясно само собой», — тогда как Германия, наоборот, вполне способна сделать это. Отвергая любые пацифистские настроения, Плеханов предупреждал, что социал-демократы не могут выступать за скорейшее заключение мира на любых условиях, выгодных агрессору. Вместе с тем он не исключал возможности превращения войны с Германией и Австро-Венгрией в гражданскую войну внутри России, ибо чем дальше, тем больше будет выявляться несостоятельность царского правительства в военной области. Однако, ссылаясь на пример Франции 1870–1871 годов, Плеханов предсказывал, что революционные настроения в русском обществе будут расти только на почве оскорбленных патриотических чувств, в процессе законной самообороны от внешнего врага².

Начиная с весны 1915 года положение на русско-германском фронте стало быстро ухудшаться, и к осени Россия потеряла Польшу, Литву, часть Латвии и Белоруссии. В этой обстановке Плеханов закончил открытое письмо болгарскому социалисту Нусинову под названием «Еще раз о войне», вошедшее в изданный вскоре в Париже сборник статей «Война». В своем ответе Нусинову Плеханов, пожалуй, впервые открыто поставил вопрос о перспективах новой революции в России в условиях войны. Отвечая тем, кто говорил, что нужно не защищать страну от внешнего врага, а готовить революцию, он писал: «...революция — прекрасная вещь. Но революция предполагает революционизирование общественных отношений. Это целый процесс. И теперь дело идет именно о том, чтобы германские империалисты не поставили процесс революционного развития России в такие условия, при которых он сойдет, как говорят, на нет. После разгона I

¹ Плеханов Г. В. О войне. Статьи. Пг., 1917. С. 69.

² Плеханов Г. В. О войне. Статьи. Пг., 1917. С. 78.

Думы Ленин рекомендовал нам сделать революцию, "назначив" ее на конец августа или на первые числа сентября. Такая "революция" лучше всего характеризуется термином И. Северянина "грезофарс". Теперь нам опять рекомендуют его, с иронией замечал Плеханов, заканчивая статью пессимистическим полупрогнозом, полувопросом: «Может быть, наша конечная цель дальше от нас, нежели мы думали»¹.

Вместе с тем очень скоро события в России показали, что настроения различных слоев общества начинают меняться. Вновь пошла вверх кривая забастовочного движения, оживилась деятельность социал-демократов и эсеров, пришли в движение либералы, разочарованные бездарностью царских властей. В Думе возник к осени 1915 года оппозиционный «Прогрессивный блок». В итоге в России явно обозначились симптомы нового политического кризиса. Его природа была достаточно сложной. Здесь переплелись явные просчеты царизма в организации обороны страны, притязания русской буржуазии на раздел власти с правящим дворянским сословием, обманутые надежды либералов на смягчение полицейского режима и большую терпимость «верхов» по отношению к политическому инакомыслию, обострение нужды народных масс, рост революционной агитации, страх перед реально обозначившейся угрозой победы Германии в войне. Но хотя в обществе по-прежнему доминировали патриотические настроения, к ним все чаще присоединялись теперь протест против царизма, требования реформ и даже призывы к новой революции.

Еще накануне летней сессии Государственной Думы в июле 1915 года Плеханов направил в Петроград социал-демократическому депутату А. Ф. Бурьянову письмо, призывая его не мешать делу организации обороны страны каким-либо необдуманным шагом вроде голосования против военных кредитов или хотя бы воздержания от этой процедуры. «Можно смело сказать, что наша русская земля не была в таком опасном положении со времени Смуты начала XVII века. Она должна напрячь все свои силы для своей самозащиты, и было бы крайне печально, если бы наши единомышленники помешали делу самообороны русского народа... Если Германии удастся накинуть аркан на шею России, от этого, прежде всего, пострадает русский пролетариат и вообще русская трудящаяся масса. Ввиду этого становится совершенно ясным, что Вы и Ваши товарищи, социал-демокра-

¹ Плеханов Г. В. Война. Статьи. Париж. 1915. С. 37.

тические депутаты в Государственной Думе, просто-напросто не можете голосовать против военных кредитов. Сделайте свои оговорки — они необходимы, — но голосуйте за кредиты. Голосование против кредитов было бы изменой (по отношению к народу), а воздержание от голосования было бы трусостью; голосуйте за!»¹ — говорилось в этом письме.

В сентябре 1915 года Плеханов написал обращение «К сознательному трудящемуся населению России». В обращении подчеркивалось, что России грозит превращение в немецкую колонию и поэтому народ должен стремиться прежде всего к победе над внешним врагом. «К свободе нам нельзя прийти иначе, как по пути национальной самообороны. Мы вовсе не говорим: сначала победа над внешним врагом, а потом уже свержение врага внутреннего. Вполне возможно, что свержение этого последнего явится предварительным условием и залогом избавления России от германской опасности», — писал Плеханов, намекая тем самым на возможность новой революции под патриотическим флагом. Так или иначе, поражение России в войне явилось бы одновременно и ее поражением в борьбе за свободу. Поэтому «...путь к победе — это путь к свободе»².

Следует отметить, что в политической позиции Плеханова было и несколько весьма уязвимых моментов: замалчивание империалистических планов держав Антанты; более снисходительное, чем прежде, отношение к внутренней политике царского правительства, упорно откладывавшего проведение любых реформ до победного окончания войны; замалчивание остроты национально-колониального вопроса в России; неприятие любых форм пацифизма в условиях, когда затягивание военных действий оборачивалось для нашей страны огромными людскими потерями и хозяйственной разрухой. Надуманным выглядел и тезис Плеханова, согласно которому война является продолжением классовой борьбы пролетариата с перенесением центра тяжести на противостояние с буржуазией нападающей стороны, в данном случае Германии. Перечеркнула жизнь и призывы Плеханова свести к минимуму забастовочное движение в России, чтобы не мешать обороне страны, поскольку чем дальше, тем больше речь шла уже о борьбе за

¹ Плеханов Г. В. Вопросы войны и социализма. Пг., 1917. С. 12.

² Россия и свобода. 1915. 10 сентября.

физическое выживание рабочих и членов их семей, над которыми нависла в условиях затяжной войны угроза полного обнищания.

Вместе с тем Плеханов избежал упрощенных леворадикальных представлений об империализме как последней стадии в развитии капитализма накануне мировой пролетарской революции. Для него были абсолютно неприемлемы тезис большевиков о равной ответственности всех воюющих держав за развязывание войны и тактика революционного пораженчества. Не повторял Плеханов в годы Первой мировой войны и старое марксистское положение о том, что рабочие не имеют отечества, видимо, признав его историческую ограниченность и условность. Таким образом, Плеханов попытался найти ту золотую середину, которая позволила бы ему органично соединить патриотизм и интернационализм, поиск путей к национальному единению общества перед лицом внешнего врага и последовательную революционность в своих идеологических построениях.

3.3. Г. В. Плеханов о политико-правовом развитии России в 1917–1918 годах

Мировая война стала непосильным испытанием для политического и социального строя России. Царский режим вел рискованную внешнюю политику, которая не учитывала требования внутреннего развития, и столкнулся с конфликтом, ставшим для него катастрофическим.

В самом начале военных действий большая часть оппозиции сплотилась вокруг правительства, а крестьяне, хотя бы и пассивно, соглашались с тем, что жертвы необходимы. Но, вследствие военной и административной бездарности царизма, различные слои населения вновь перешли в оппозицию к правящему режиму, число их росло, и сдерживать их становилось все труднее. К началу 1917 года окраины территории России оказались оккупированными и моральный дух солдат пошатнулся. Ситуация в тылу была немногим лучше. Крестьяне бурно негодовали по поводу нескончаемых призывов в действующую армию. Не менее энергично протестовали они в связи с установлением фиксированных цен на сельскохозяйственную, но не промышленную, продукцию и отвечали тем, что не выпускали зерно на рынок. Когда правительство арестовало зерно, крестьяне ответили еще большим возмущением. В городе население страдало от недоедания и рез-

кого повышения цен. Доведенный до отчаянья, русский народ, наконец, взбунтовался. В феврале 1917 года не желавшие воевать солдаты отказались подавлять антиправительственные демонстрации голодных рабочих. Так дискредитировавший себя режим пал.

В некотором смысле, свержение старого режима еще более обострило нерешенные проблемы России. Практически за революцией последовал распад старого правящего аппарата и полный развал дисциплины в войсках. Когда исчезли освященные временем ограничения, народ, в котором дисциплина всегда насаждалась сверху, вышел из-под контроля. Новое Временное правительство не могло восстановить порядок силой, да и в любом случае о такой политике не могло быть и речи. Как никогда прежде в российской истории, ни одна из социальных групп не могла долго удерживать бразды правления, если была не в состоянии удовлетворить настойчивые требования народа.

После свержения самодержавия Россия вступила в эпоху переходного периода, эпоху буржуазно-демократической революции. Особенность этого периода послужила основой для выдвижения Плехановым особой тактической позиции достижения пролетариатом своих конечных целей – политико-экономического освобождения.

Анализируя социально-экономический уровень развития России, Плеханов сделал вывод, что немедленный переход к социализму является невозможным.

Критикуя взгляды большевиков о возможности захвата политической власти пролетариатом с целью построения социализма, Плеханов указывал на бланкизм и анархизм подобной позиции. Диктатура пролетариата станет возможной, когда рабочий класс будет составлять большинство населения. Поэтому противопоставление народовластию и диктатуры пролетариата невозможно. Большевики делают это, проповедуя бланкистский захват власти организованным меньшинством. Вместе с тем Плеханов обращал внимание на то, что лишь анархисты всегда неустанно призывали рабочих всех стран к совершению социалистической революции, «...никогда не справляясь о том, какую именно фазу экономического развития переживает та или иная страна»¹.

Плеханов показывает, что этот спор его с большевиками не просто фракционная полемика в партии. Основы его гораздо глубже: «...будущему историку социалистического движения в России при-

¹ Единство. 1917. 9–12 апреля.

дется... сказать о приверженности наших социал-демократов к таким переходящим сочетаниям, как большевизм и меньшевизм. По-моему, эти сочетания уже теперь представляют собой весьма значительное препятствие на пути решения насущных теоретических и практических задач социал-демократии... Только тот, кто смотрит на вещи сквозь призму фракционной ограниченности, может воображать, будто борьба идей в нашей партии сводится к вопросу, кто победит: меньшевики или большевики? В действительности вопрос должен быть сформулирован так: победит ли современный социализм в том виде, какой он принял в учении Маркса и Энгельса, или же допотопный социализм Бакунина, до сих пор еще не изжитый русской революционной мыслью?»¹.

Плеханов отстаивает социалистическую политику, основанную на учении Маркса. Если капитализм еще не достиг в данной стране той высшей ступени, на которой он делается препятствием для развития ее производительных сил, то нелепо звать рабочих и беднейшую часть крестьянства к его низвержению. Но, если нелепо звать к низвержению капитализма, то не менее нелепо, считает Плеханов звать и к захвату политической власти. Для углубления революции требуются известные объективные условия, а в России нет таких условий в смысле замены капиталистического строя социалистическим. Поскольку политический момент, по мысли Плеханова, никогда не идет впереди экономического, захват политической власти пролетариатом не может привести к построению социализма, вследствие отсутствия экономической базы такой власти.

Социалистический строй, по мнению Плеханова, предполагает два неперемняемых условия: 1) высокую степень развития производительных сил; 2) весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны. Там, где отсутствуют эти два необходимых условия, на его взгляд, не может быть и речи об организации социалистического способа производства. В своих работах он также неоднократно высказывал мысль о том, что одним из условий, подготавливающих социалистическую революцию, является завоевание политической свободы и установление демократии. Поскольку два первых условия в России отсутствовали, а демократия была еще не развита, Плеханов считал, что рабочий класс не может взять в руки политическую власть.

¹ Плеханов Г. В. Год на Родине. Париж. 1921. Т. 1. С. 108–110.

А если бы рабочие все же попытались организовать социализм, «...то из их попытки не вышло бы ничего хорошего. Им удалось бы организовать только голод... – пророчески замечает Плеханов и продолжает – неизбежным следствием организации голода явился бы жестокий экономический кризис, после которого рабочие оказались бы в положении гораздо более невыгодном, чем то, в котором они находились до своей попытки»¹.

Итак, Плеханов был убежден, что человек не может вершить историю по своему усмотрению. Сила влияния людей на ход политических событий прямо пропорциональна ясности понимания ими сущности сложившихся экономических отношений. Он постоянно отстаивал мысль, что экономический фактор является базой социального и политического прогресса. Поэтому только высокий уровень развития производительных сил России обеспечит рост политического сознания пролетариата, позволит упрочить демократию и создаст условия для социалистической организации производства.

Справедливости ради, следует отметить, что в социал-демократическом движении России никто не оспаривал тезис о невозможности перехода к социализму в тех экономических условиях. Это вытекало и из «Апрельских тезисов» В. И. Ленина, и из выступлений большевистских ораторов на I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 года. Однако Плеханов не ошибся в своем предчувствии неизбежного и очень скорого перехода большевиков к форсированным экспериментам в духе военного коммунизма, начатым в 1918–1919 годах правительством Ленина–Троцкого.

В чем же категорически расходились позиции большевиков и Плеханова?

Большевики считали возможным установить власть пролетариата и с ее помощью создать экономический базис социализма. Плеханов же доказывал, что в конечном итоге именно экономическое бытие определит характер будущей власти. Продолжавшийся с 1914 года развал народного хозяйства и его милитаризация, беспорядки и насилие – все это еще более замедляет развитие политического сознания трудящихся и препятствует развитию демократии. А без демократии, по убеждению Плеханова, никакого социализма не получится.

¹ Единство. 1917. 20 мая.

Призыв к продолжению и углублению революции Плеханов охарактеризовал как «...безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на русской земле»¹. Он был твердо убежден, что люди, мало-мальски знакомые с марксизмом, не могут говорить сейчас о социалистическом перевороте в России. Исходя из этого, Плеханов призывал все прогрессивные силы России, включая социал-демократов, сплотиться вокруг Временного правительства во имя упорочения завоеванной в феврале-марте 1917 года свободы и для доведения войны с Германией и Австро-Венгрией до победного конца.

Плеханов в своих статьях большое внимание обращал на проблему политико-экономического развития России в связи с войной с Германией. «Одержав победу, Германия не замедлила бы поработить нас экономически и восстановить наш старый политический режим. Русский пролетариат должен был быть слепым, чтобы не увидеть этой ужасной опасности»².

Плеханов доказывал, что идея необходимости защиты национальных экономических интересов не противоречит положению марксистов об интернациональном братстве народов: система тесных отношений между нациями, к установлению которой стремится Интернационал, предполагает существование наций, а не их уничтожение, если нельзя мириться с нарушением правомерных интересов или с уничтожением любой из отдельных наций, то тем более нет оснований пренебрегать интересами своей собственной страны.

Таким образом, Плеханов пытался объединить все, по его выражению, «живые силы» русского общества, чтобы предотвратить политико-экономическое разрушение страны и надвигающуюся ее внешнеполитическую изоляцию. Авангардную роль в этом объединении должен играть пролетариат.

Для Плеханова было очевидным, что если нельзя (пока нельзя) устранить капитализм, при котором возможны войны, то необходимо путем согласованных действий устранять причины, порождающие войны. Именно этим определяются позиция и тактика Плеханова в 1917 году: он призывает к заключению мира, но такого, который обеспечит невозможность новой войны, коллективную защиту от аг-

¹ Единство. 1917. 9–12 апреля.

² Плеханов Г. В. Задачи русского пролетариата // Русское слово. 1917. № 58. С. 3.

рессии; мира, гарантирующего право наций на самоопределение. Плеханов выступает против заключения сепаратного мира, так как он не устранял главных причин, превративших Германию в страну-агрессора: отсутствия демократии, милитаризованной экономики как следствие – особого, юнкерского пути капиталистического развития.

В апреле 1917 года историческая возможность осуществления подобного плехановским предложениям плана была. Министр иностранных дел П. Н. Миллюков от имени России обратился с нотой к странам Антанты, подтвердив союзнические обязательства России для того, чтобы участвовать в переговорах стран антигерманской коалиции, обсуждавших возможность заключения мира, гарантирующего в будущем мирное развитие Германии. Сепаратный мир, к которому стремились большевики, такую гарантию исключал.

При непосредственном участии большевиков в Петрограде с апреля по июль произошли события, показавшие Плеханову политическую незрелость революционной демократии в России.

В апреле состоялась вооруженная демонстрация солдат I-го пулеметного полка, выступивших против ноты Миллюкова и требовавших заключения мира с Германией. В июне военная организация большевиков предложила антивоенную и антиправительственную демонстрацию. ЦК РСДРП(б) назначил вооруженное шествие на 10 июня. Лозунги – отказ от наступления на фронте, передача власти Советам. Однако делегатам I съезда Советов удалось предотвратить демонстрацию. Съезд осудил раскольническую деятельность большевиков. В ночь с 9 на 10 июня ЦК РСДРП(б) принял резолюцию об отмене демонстрации.

3–5 июля в Петрограде произошли вооруженные столкновения. Имеется много свидетельств в периодической печати и сохранившихся документах тех лет того, что официальные версии о непричастности большевиков к июльским событиям неверны. Наоборот, утверждается, что 3–5 июля произошло вооруженное восстание, подготовленное большевиками с целью свержения Временного правительства и захвата власти¹.

¹ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. М., 1991.

Все эти события указали Плеханову на необходимость обратить внимание на анархические действия большевиков. Для него стало очевидным, что большевистские идеи и лозунги захватывают массы, что в области теории они скатились к анархо-синдикализму, а практическая их деятельность «...свелась к проповеди захватов и погромов, к расстройству вооруженных сил, обороняющих страну, и вообще к вредной для всего народа, и для пролетариата в особенности, дезорганизации общественных сил России»¹. Плеханов выступает с серией статей, пытаясь предотвратить драматический исход событий.

Больше всего Плеханова волнует мысль о дезорганизации экономического положения России, которое может стать могилой русской революции. Экономическая жизнь, по его словам, служит фундаментом общественной и политической жизни страны, развал этого фундамента грозит гибелью общественному делу и, прежде всего, демократической власти. Он со всей возможной энергией обрушивается на тезис большевиков, что, вредя буржуазии, пролетариат обеспечивает себе известные выгоды. Успех большевистской пропаганды и агитации обуславливается, по его словам, экономической отсталостью страны, замедляющей развитие политического сознания трудящейся массы. Он указывает, что старый порядок оставил немало темноты в народе. Страну захлестнул подъем малосознательных, тупых, лишенных логики сил, вносящих очень большую смуту в жизнь страны. Стихия берет верх над организованностью: вопреки государственным возможностям, не считаясь с состоянием экономики, рабочие предъявляют предпринимателям требования, выполнение которых экономически невозможно, дезорганизуется промышленность и истощается казна, происходят беспорядки, погромы, насилия над служащими и директорами предприятий, контрреволюционеры направляют толпу на правительство. Создалась такая ситуация, при которой «...если революция не раздавит анархии, то анархия пожрет революцию и проложит путь к восстановлению старого порядка»².

Плеханов настаивает на том, что рабочие должны помнить не только о своих правах, но и о своих обязанностях, не только о своих желаниях, но и о тех жертвах, которые нужно принести ради закрепления революции и достижения конечной цели. Развитие пролетарско-

¹ Меньшевики в 1917 году. М., 1995. Т. 2. С. 798.

² Единство. 1917. 15 июля.

го движения предполагает как необходимое условие развитие производительных сил. Рабочий класс в своих собственных интересах должен позаботиться о том, чтобы сделать свой труд «...как можно более производительным. Богатство страны создается трудом ее населения»¹. Если рабочие под предлогом своих классовых интересов понижают производительность своего труда, то они, вредя своей стране, сильно рискуют повредить своему собственному классу. Рабочие выдвигают такие требования, которые увеличили бы разруху, эта последняя в свою очередь парализует промышленность и торговлю, падает спрос на рабочую силу, казна пустеет и не может взять на себя финансирование предприятий.

В качестве примера Плеханов приводит ситуацию, сложившуюся в Донецком угольном бассейне. Шахтеры работают меньше восьмичасового дня, бастуют, требуют повышения заработной платы, не обеспечивая соответствующего роста производства, добыча угля упала, что привело к уменьшению объема промышленного производства, увеличилась безработица. Рабочие говорят, что они защищают свой классовый интерес, но это ошибка, указывает Плеханов, — это выражение групповых интересов, вредных для пролетариата как целого.

Под влиянием хозяйственной разрухи возник кризис политической власти, и чем более затяжным он становится, тем менее устойчивой делается эта власть. Если революционная власть не сумеет подняться на высоту положения и если не проявит достаточной энергии в наведении порядка и подъеме экономики, то страна повернется к ней спиной и протянет руки реакции. Россия испытывает тоску по твердой власти. Экономическая разруха может вызвать контрреволюцию. Чтобы этого не случилось, чтобы упрочить политическую свободу, пролетариат должен, по мысли Плеханова, встать во главе всех тех классов, интересы которых были бы нарушены восстановлением монархического порядка, и выдвинуть на первый план не то, что его с ними разделяет, а то, что объединяет. В условиях экономической разрухи особенно необходимо участие буржуазии в управлении страной.

Россия находится, по мнению Плеханова, в том переходном периоде своей политической истории, в течение которого пролетариат может не только без ущерба, но и с выгодой для себя вступать в соглашения с буржуазией для совместной борьбы со всем тем, что за-

¹ Единство. 1917. 27 августа.

держивает развитие производительных сил страны. Плеханов, продолжая эту мысль, подчеркивал: «Если бы наш рабочий класс захотел стеснять дальнейшее развитие капиталистического способа производства, он тем самым нанес бы жестокий вред как всей стране, так и своим собственным интересам... Лучшим средством борьбы с распространением утопических лозунгов в среде русского пролетариата явится система широких социальных реформ, выработанная путем всесторонне обдуманного соглашения между революционной демократией и торгово-промышленной буржуазией»¹.

Плеханов указывает, что политические сделки бывают жизнеспособны, когда в их основе лежит соглашение экономических интересов. При этом ошибочно думать, что тот, кто вступает в соглашение, — отказывается от борьбы за свой интерес. Соглашение экономических интересов предполагает не эклектическое сглаживание противоположностей, а хотя бы временное разрешение их с помощью единого руководящего принципа. Принцип, который можно положить в основу экономического соглашения между пролетариатом и буржуазией, заключается в «широкой системе социальных реформ». Такие реформы, по словам Плеханова, окажут неоценимую услугу развитию самой драгоценной части производительных сил России — трудящемуся населению.

Плеханов показывает, что иначе смотрят на вопрос пролетарской тактики люди (имеются в виду большевики), «...ухитрившиеся превратить марксизм в антисоциологию». Они взывают к борьбе классов ради борьбы классов и считают изменой соглашение рабочих с либералами «...даже в тех случаях, когда отказ рабочих от соглашения привел бы к победе реакции»², — пишет Плеханов.

В своих выводах Плеханов ссылается на опыт передовых капиталистических стран. Было время, говорит он, когда идеологи буржуазии думали, что всякая уступка, делаемая наемным рабочим капиталистами, причиняет убыток последним. Понемногу опыт опроверг это заблуждение теоретиков и практиков буржуазной экономики. Дешевая рабочая сила оказалась дороже дорогой. Наемный рабочий, живущий в лучших материальных условиях, оказывался более производительным, нежели жалкий наемник, ведущий полуголодное, нищенское су-

¹ Плеханов Г. В. Год на Родине. Париж. 1921. Т. 2. С. 83, 85.

² Единство. 1917. 27 августа.

ществование. Плеханов называет последний вывод азбучной истиной экономической науки и спрашивает — намерена ли русская буржуазия считаться с ней в своей социально-экономической политике?

Плеханов неоднократно повторял, что спасение России «...не в гражданской войне, а в сознательном всестороннем обдуманном, планомерном и добросовестном соглашении тех двух классов, совокупные усилия которых одинаково нужны при нынешних конкретных условиях, для экономического обновления России»¹. Горе утопистам, подчеркивает Плеханов, отказывающимся понять это, к какому бы классу они не принадлежали.

К сожалению, русская буржуазия не восприняла аргументы Плеханова. Крупный банкир и промышленник П. П. Рябушинский на II-м торгово-промышленном съезде, проходившем в августе в Москве, прямо призвал к борьбе с демократией. Подобное заявление представителя крупного капитала было несчастливым. Анализируя процесс развития русской промышленности и торговли, Плеханов показывал, что русское государство принесло много жертв, содействуя капитализму, эти жертвы приносились в нездоровой обстановке самодержавия, вследствие чего русские торговцы и промышленники «...приобрели навыки, плохо уживающиеся не только с нуждами более широких кругов населения, но даже с правильно понятыми интересами промышленности и торговли»². Когда самодержавие рухнуло, появилась необходимость новой формулировки задач, стоящих перед крупным капиталом, а именно, понадобилась широкая программа новой политико-экономической деятельности на базе реформ, в интересах рабочего класса. Однако русская буржуазия не захотела пересмотреть повальному направлению своей деятельности.

Плеханов отмечал, что революционная демократия в России достаточно сильна, чтобы взять политическую власть, но совершенно недостаточно сильна, чтобы взвалить на себя тяжесть борьбы с экономической разрухой. Поэтому необходима коалиция революционной демократии с торгово-промышленным классом. Коалиция нужна для работы, а не для классовой борьбы — подчеркивал Плеханов. Он учитывал, что в стране отсутствуют глубокие демократические традиции, в составе населения преобладает полупатриархальное, неграмотное,

¹ Единство. 1917. 8 августа.

² Единство. 1917. 8 августа.

задавленное нищетой крестьянство. Отсюда становится ясным, почему он делал вывод: «Если при данных социальных и политических условиях неуместна и потому опасна для России, — а больше всего для интересов ее трудящегося населения, — диктатура пролетариата, то еще менее уместна, еще более опасна диктатура нескольких десятков лиц»¹. Плеханов считает, что пролетариат, получив власть в такое время, когда по недостаточному развитию своему еще не способен воспользоваться ей надлежащим образом, обречет себя на большое несчастье: «...его ожидает в этом случае жестокое поражение... поражение было бы тем неизбежнее, что Россия переживает небывалую экономическую разруху»².

Реализация плана большевиков передачи власти Советам, а внутри них — одной партии, объективно вела, писал Плеханов, вначале к гражданской войне, а по мере разрастания кризиса — к диктатуре группы и диктаторству³. Чтобы не допустить это, очень важно укрепить общими усилиями позиции, отбитые у самодержавия. Это — общенациональная задача.

Вершиной политической деятельности Плеханова в 1917 году стало его участие в работе Государственного Сопещения в Москве. Плеханов изложил программу революции, роль каждого класса в ней, определил стоящие перед этими классами задачи как общенациональные. Они могли быть выполнены при условии коалиционного соглашения пролетариата и буржуазии. Основные ее идеи сводились к следующему. Перед Россией стоит задача развития ее производительных сил, так как страна с низкой степенью их развития неспособна к политическому или социальному прогрессу. Прогресс возможен только в том случае, если широкая система социально-политических реформ поднимет рабочий класс из того жалкого положения, в котором он был до сих пор. Эта программа является и путем, и средством соглашения буржуазии с крайне левой революционной демократией, вынесшей тяготы подготовки пролетариата к революции. Поскольку России предстоит еще пережить более или менее длительный период капиталистического развития, надо помнить, что этот процесс является двусторонним: на одной стороне действует пролетариат, на другой

¹ Плеханов Г. В. Год на Родине. Париж. 1921. Т. 1. С. 82.

² Плеханов Г. В. Год на Родине. Париж. 1921. Т. 1. С. 82.

³ Плеханов Г. В. Год на Родине. Париж. 1921. Т. 2. С. 267.

— буржуазия. И если они не хотят навредить своим интересам, то должны искать пути политического и экономического соглашения, ибо «...хозяйственная жизнь служит фундаментом общественной и политической жизни всякой страны. Развал этого фундамента грозит гибелью всему общественному делу и, прежде всего, существующей в стране политической власти»¹.

Могли ли подобные идеи в то время вызвать отклик в народе? Следует признать, что эти взгляды в конкретно-исторической обстановке февраля—октября 1917 года не могли быть восприняты. В этом хорошо отдавал себе отчет и Плеханов. Так, в своем письме Всероссийскому крестьянскому съезду он писал: «Мне сдается, что ваше настроение временно исключает возможность усвоения вами моего взгляда. Виду этого, всякая попытка убедить вас теперь представляется безнадежной»².

Для того, чтобы идеи Плеханова были поняты, требовались время и гораздо более высокий уровень сознательности и культурности населения. Но Россия того времени, как показывал и сам Плеханов, оставалась еще полу-Азией, страной недостаточно цивилизованной, с низкой культурой населения. Именно поэтому, обращаясь к учителям и студентам, Плеханов призывал их всеми силами содействовать просвещению народа: «Просвещение составляет одно из самых необходимых условий развития производительных сил всякой страны»³, социалистическая революция без просветительской и организационной работы в недрах рабочего класса невозможна.

Но подобные призывы Плеханова не находили отклика. Ожесточенность борьбы между различными общественными слоями России, готовыми, ради достижения своих целей, разрушить все, что стоит на пути, и не желающими достижения компромисса — достигла кульминации.

С августа 1917 года никаких иллюзий по поводу возможности демократического варианта событий у Плеханова не осталось. Экономическая отсталость России, культурная отсталость масс, стремление их к непосредственному введению социализма, слабость демократических традиций — все это сделало неизбежным, по оценке Плеханова, победу именно большевиков. В сентябре 1917 года Плеханов предска-

¹ Плеханов Г. В. Год на Родине. Париж. 1921. Т. 2. С. 100—108, 151.

² Единство. 1917. 28 мая.

³ Единство. 1917. 15 апреля.

зывает в статьях газеты «Единство», что большевики возьмут власть: «В настоящее время Ленину осталось сделать только несколько шагов, чтобы восторжествовать окончательно»¹.

По Плеханову, никакой альтернативы Октябрю в этот период уже не было. Когда один из членов социал-демократической группы «Единство» предложил Плеханову открыть кампанию против большевистских советов, Георгий Валентинович в горячей речи обрушился на него: «Нужно видеть, что будет завтра, – говорил он. – Посмотрите вокруг себя и вы увидите, что улица уже контрреволюционна. Предположим, что мы сбросили сегодня советы, мы тотчас окажемся во власти этой улицы»².

Октябрьскую революцию Плеханов не принял. 28 октября 1917 года он опубликовал в газете «Единство» «Открытое письмо Петроградским рабочим». В нем он откровенно признавался, что события 25 октября не радуют, а, наоборот, огорчают его, хотя на протяжении многих лет он призывал торжество рабочего класса в России всеми силами своей души. Все дело в том, писал Плеханов, готов ли российский пролетариат к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру? Но «всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь, ответит на этот вопрос решительным отрицанием. Нет, наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем для всей России»³.

Плеханов твердо придерживался того мнения, что диктатура пролетариата возможно только в том случае, если рабочий класс составляет в данной стране большинство населения. Что же касается крестьян, на поддержку которых могли бы рассчитывать рабочие, то им была нужна земля, а не замена капитализма социализмом. Больше того, хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена, как считал Плеханов, не в сторо-

¹ Единство. 1917. 21 сентября.

² Иорданский Н. И. Октябрьские дни и Плеханов // Пролетарская революция. 1922. №3. С. 250.

³ Единство. 1917. 28 октября.

ну социализма, а в сторону капитализма. «Отсюда неизбежно следует, что если бы, захватив политическую власть, наш пролетариат захотел совершить "социальную революцию", то сама экономика нашей страны осудила бы его на жесточайшее поражение».

Не приходится в ближайшее время надеяться и на мировую пролетарскую революцию, продолжал Плеханов. А раз так, то в перспективе большевистскую Россию может ожидать лишь гражданская война, которая в конечном счете заставит рабочий класс отступить далеко назад от позиций, завоеванных в результате февральской революции. Кроме того, нельзя забывать, что Россия еще не вышла из мировой войны, а это еще больше осложняет всю ситуацию и увеличивает шансы на поражение рабочего класса. Вот почему, заключал Плеханов, «...меня не радуют, а огорчают недавние события в Петрограде... Их последствия теперь уже весьма печальны. Они будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или – еще того хуже – одной партией. Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка. Я давно уже говорю это. И считаю своим долгом повторить это теперь, когда политика рабочего класса рискует принять совсем другое направление. Сознательные элементы нашего пролетариата должны предостеречь его от величайшего несчастья, какое только может с ним случиться»¹.

По воспоминаниям соратника Плеханова по группе «Единство» И. Н. Иорданского, который видел Георгия Валентиновича 27–28 октября, последний заметил ему, что большевики взяли власть надолго и не только в районе Петербурга, но и по всей России, и что ни Керенский, ни кадеты, никакая другая партия ничего не смогут сделать и ни о каком серьезном сопротивлении большевикам не может быть и речи. Это заявление было тем удивительно, заметил Иорданский, что было сделано, когда казаки и юнкера еще боролись с отрядами рабочих и матросов, а широкие обывательские массы утверждали, что диктатура пролетариата может продлиться неделю-другую – никак не больше.

Плеханов был убежден, что поскольку власть советов является выражением сил и развития окрепшей революционной стихии, все

¹ Единство. 1917. 28 октября.

попытки свержения коммунистической партии ее демократическими противниками только вели к союзу с обреченными на гибель элементами старого общества и должны были неизбежно закончиться неудачно¹.

Не мог не откликнуться Плеханов и на роспуск Учредительного собрания. Разгоняя его, писал Плеханов, народные комиссары из Смольного боролись не с врагами рабочих, а с врагами своей собственной диктатуры. Увидев, что большинство членов Учредительного собрания составляют эсеры, большевики решили как можно скорее покончить с ним, сделав тем самым новый шаг к губительному междоусобию внутри народа – гражданской войне.

За Смольным, подчеркивал Плеханов, большинства в стране нет. «Их диктатура представляет собой не диктатуру трудящегося населения, а диктатуру одной части его, диктатуру группы. И именно потому им приходится все более и более учащать употребление террористических средств. Употребление этих средств есть признак шаткости положения, а вовсе не признак силы. И уж во всяком случае, ни социализм вообще, ни марксизм в частности тут совершенно ни при чем»².

Таким образом, мудрость политика и его партии, по мнению Плеханова, определяется одним важным качеством – умением предвидеть все последствия своих действий. И если готовность и способность политиков захватить и удержать любой ценой власть оборачивается их готовностью к ведению гражданской войны, способностью к кровопролитию, то это страшно. Плеханов считал нравственно невозможным для себя призывать к братоубийственной войне.

Были ли призывы Плеханова и его единомышленников к социальному компромиссу, гражданскому согласию, ненасилию совершенно неосуществимы и утопичны? Думается, нет. Исторический опыт стран Запада (и не только Запада) уже с высоты сегодняшнего дня показывает возможность осуществления подобных проектов. В России 1917 года, на наш взгляд, также не исключалась подобная возможность. Но возобладало иное – разрушительная стихия масс, доведенных до отчаяния войной, полуголодным существованием, разрухой. Большевики оказались на гребне этой стихии и во многом были

¹ Иорданский Н. И. Октябрьские дни и Плеханов // Пролетарская революция. 1922. № 3. С. 251–252.

² Наше единство. 1918. 11, 13 января.

вынуждены выполнять ее требования. Так, переход к военному коммунизму был ничем иным, как «непосредственным» введением социализма, от которого В.И. Ленин отказывался в апрельских тезисах.

Итак, в 1917 году историческая победа осталась за большевиками. Вместе с тем деятельность различных политических сил носила альтернативный характер. Поляризация общественных сил или объединение национальных сил для решения стоявших перед страной задач – вот два главных направления в политической деятельности лидеров социал-демократической партии России – В. И. Ленина и Г. В. Плеханова – самых значительных фигур в истории двух русских революций 1917 года. Для того, чтобы понять и оценить результаты этой деятельности, необходимо проанализировать обоснованность их программ с точки зрения последствий их реализации для России.

Реализация программы большевиков привела к возникновению в России социализма азиатского способа производства. Когда к концу 20-х годов был принят первый пятилетний план, подавлено сопротивление крестьянства и началась интеграция советского общества на тоталитарной основе, ход событий вновь доказал верность предвидений Плеханова. Разве это не было примером того, как понимавшая наличие расхождений между целями народа и собственно социалистическими задачами, но победившая революционная клика упорно цепляется за власть? Когда подобное происходит, писал Плеханов в 1885 году, революционное правительство может попытаться организовать производство в стране на социалистических принципах при отсутствии как объективных условий социализации, так и согласия народа. В таком случае «...оно должно будет искать спасения в идеалах "патриархального и авторитарного коммунизма", внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что, вместо перувианских "сынов солнца" и их чиновников, национальным производством будет заведовать социалистическая каста»¹. Разве сталинский режим не был «авторитарным коммунизмом»? Разве он не стремился поставить население в полную зависимость посредством государственного контроля над средствами производства?

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т. 1. С. 105.

Что касается характера развития партии под руководством И. В. Сталина, разве можно найти лучшее описание, чем данная Плехановым еще в 1904 году критика возможной реализации последствий организационных планов Ленина? «Вообразите, что за Центральным Комитетом всеми нами признано пока еще спорное право "раскассирования". Тогда происходит вот что. Ввиду приближения съезда, ЦК всюду "раскассирует" все недовольные им элементы, всюду сажает свих креатур и, наполнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечивает себе вполне покорное большинство на съезде. Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему: «ура!», одобряет всего его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас, действительно, не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха»¹.

По Плеханову, путь России к социализму — в ином направлении. Он находится в возможности для России развиваться по общим для человечества законам нравственности и права, в естественно-историческом движении. Русский путь к социализму в представлении Плеханова неотрывен от общего пути европейской цивилизации и является его частью.

Таким образом, по мнению Плеханова, к качественно новому этапу своего развития человечество подойдет, совершенствуя отношения внутри общества и тем самым совершенствуя каждого из своих членов. При таком подходе человек из средства превратится в цель: «блага народа — высший закон».

¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. XIII. С. 90.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало формирования политико-юридических воззрений Г. В. Плеханова относится к народническому периоду. В этот период Плеханов выступил защитником общинных устоев как основы социализма в России. Плеханов использует идеи экономического материализма для обоснования своей позиции. Он считал, что экономические отношения (в данном случае общинное землевладение) определяют степень развития юридических понятий и социальных чувств в обществе. Плеханов показывает, как сама форма производства предрасполагает умы масс к принятию социалистических учений.

В основах возникновения социализма Плеханов исходит из положения К. Маркса о том, что ни одно общество не может перескочить через естественные фазы своего развития. Поэтому естественным предшественником социализма является капитализм. Плеханов характеризовал возникновение капитализма на Западе как прогрессивное явление.

Вместе с тем Плеханов отвергает идею единой исторической закономерности, не признавая общезначимость социальных законов. Он считает сферой действия открытых Марксом законов территории Западной Европы и утверждает, что в России эти закономерности не действуют.

По мнению Плеханова, судьба России отлична от судьбы Запада. В преимущественно аграрном строе России, в качестве основной черты социального ландшафта, Плеханов выделяет крестьянскую общину как основу политико-юридической организации общества. В общине земля находится не в личной, а в коллективной собственности. Из сферы землевладения, столь существенной для аграрного общества, принцип коллективизма распространился на другие области и, в конечном итоге, стал определяющей чертой труда и политико-юридического мировоззрения русского народа. Будущее России по необходимости будет, прежде всего, определяться сочетанием этой коллективистской ориентации массы народа и векового стремления к свободе от гнета. Будущая революция, которую, побуждая к ней крестьянство, должна начать интеллигенция, передаст землю от государства и дворянства крестьянским общинам.

Таким образом, крестьянская революция найдет выражение в разрушении принудительной, централизованной государственной ор-